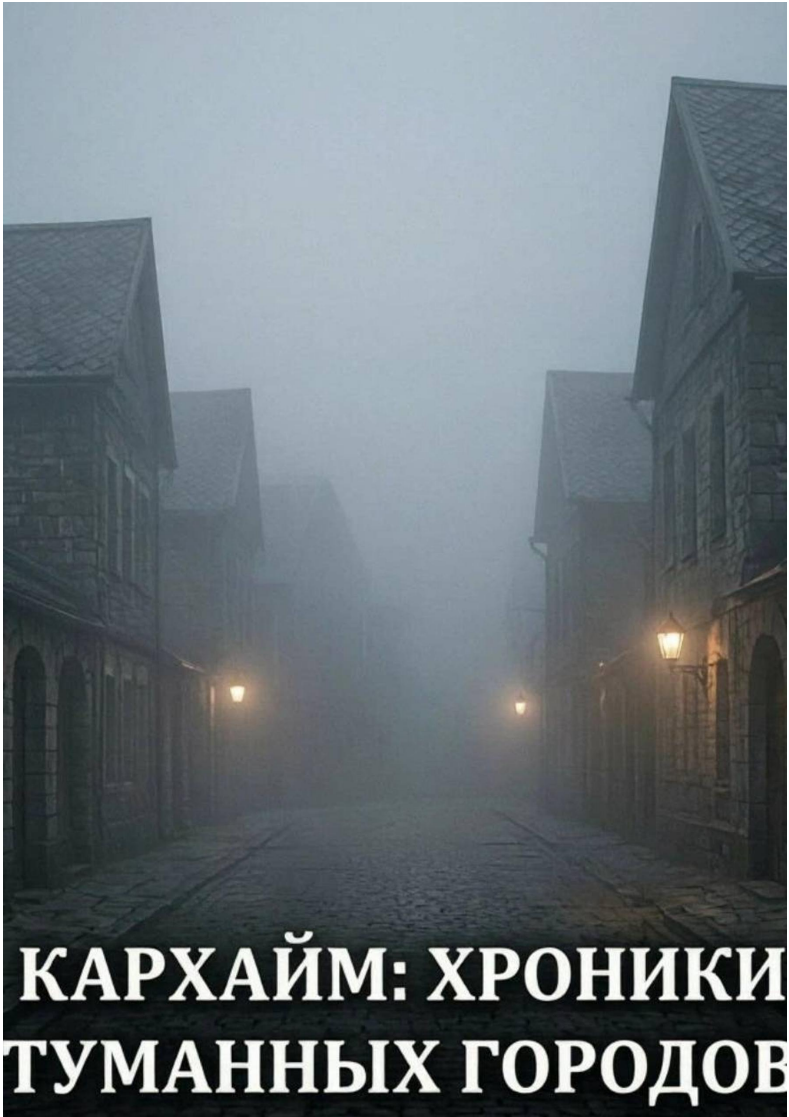
КАРХАЙМ: ХРОНИКИ
ТУМАННЫХ ГОРОДОВ

Михаил Филатов

Хроники Туманных Городов. Книга Первая: Пробуждение.

https://litres.ru/74308598
SelfPub; 2026

Аннотация

9218 год от Эпохи Туманов. Мир, где потустороннее - не легенда, а профессиональный риск. Города людей соседствуют с территориями остальных рас, Имперские Храмы держат под жёстким контролем взаимодействие с Запредельем - изнанкой реальности, населённой странными существами, и теми - чью силу можно сравнить с мощью богов. Законы реального мира не позволяют этим существам действовать напрямую, но они давно нашли обходной путь: тайные культы и Ордена что поклоняются Запределью, марионетки с жаждой власти и теми кто ищет непознаваемое. И те, кто хочет открыть дверь для прихода Владык Запределья.

Содержание

Глава 1. Камин, кот и тишина 4
Глава 2 - Двадцать три дня спустя 23
Глава 3. Первая точка на карте 47
Глава 4. Что не входит в классификатор 78
Глава 5. Ритуал. Получение инструкций. 114
Конец ознакомительного фрагмента. 138

Михаил Филатов Хроники Туманных Городов. Книга Первая: Пробуждение.

Глава 1. Камин, кот и тишина

Огонь в камине догорал.

Не умирал — именно догорал: медленно, без спешки, неторопясь. Последнее полено распалось на угли где-то около полуночи, и теперь они светились ровным тёмно-красным, изредка выпуская короткие синеватые язычки, которые тут же гасли сами. Ла'эрг смотрел на это без всякой мысли. Просто смотрел.

Кружка на столике рядом с креслом давно остыла. Кофе был выпит до половины ещё час назад, когда он дописывал последнюю строчку отчёта, — дальше рука не поднялась. Впрочем, холодный кофе его никогда не смущал. После двадцати пяти лет службы у Потустороннего провала привыкаешь пить что дают и когда дают, и организм перестаёт выдвигать претензии.

Дело о призраке закрыто. Три страницы сжатым почер-

ком, гербовая печать агентства внизу, конверт запечатан и лежит на краю стола в кабинете, завтра Тэа'эсс отнесёт его заказчикам. Старый дом инвалидов-ветеранов в северном квартале, пятнадцать случаев немотивированной агрессии среди жильцов за последние четыре месяца, шесть из них — с летальным исходом. Городская стража написала «несчастные случаи в связи со старостью постояльцев». Городская стража часто так пишет, когда не хочет или не может.

Призрак оказался старым капралом, погиб при третьем прорыве из Провала, ещё до рождения Ла'эрга, застрял между мирами и за полтора века дозрел до второго ранга. Не самый опасный вариант. Но и не самый простой тоже: существа второго ранга уже умеют прятаться за случайностями, маскировать своё присутствие под бытовое. Капрал почти справился. Почти...

Ла'эрг не стал думать, что было бы, доберись тот до третьего ранга. Незачем.

Он перевёл взгляд от углей в сторону дивана.

Тэа'эсс спала, укутанная в шерстяной плед - тёмно-синий, с выцветшей бахромой по краям, плед, который она таскала за с собой практически везде, уж лет двадцать примерно. Одна рука лежала под щекой, другая, свешивалась вниз, почти касаясь пола кончиками пальцев. Лицо расслаблено. Полностью расслаблено, черта редкая для дроу даже в глубоком сне: их лица обычно сохраняют что-то похожее на готовность, лёгкую напряжённость мышц вокруг глаз и рта, ко-

торая никуда не уходит даже без сознания. Ла'эрг видел это у неё десятки лет. Сегодня, нет. Сегодня она спала как человек.

Значит, опять устала по-настоящему. Что для организма дроу крайняя редкость.

Он не стал её будить. Просто смотрел некоторое время, привычка, выработанная им ещё в корпусе: проверить, что рядом живые, что дышат, что живут. Тэа'эсс дышала ровно. Плед не сбился. Всё в порядке.

На коленях у него шевельнулся Аррах.

Кот устраивался здесь с той самой методичностью, с которой занимал всё лучшее в доме: постепенно, без спроса, с абсолютной уверенностью в своём праве. Тридцать шесть лет назад он пришёл сам - просто оказался однажды вечером на подоконнике сидя под дождём, и явно голодный, и посмотрел на Ла'эрга таким взглядом, что тот молча открыл банку свежих сардин, купленную час назад на рынке. С тех пор Аррах жил вместе с ними. Серый, крупный, с тёмными полосами на лбу и привычкой урчать так низко, что это больше ощущалось, чем слышалось, он сейчас лежал клубком, свернув хвост вокруг лап, и урчал ровно и непрерывно, как маленький паровой механизм с одной функцией.

Ла'эрг снова взял кружку с остывшим кофе, и сделав сильный глоток, поставил обратно на столик.

Два месяца. Он сказал «два месяца» Тэа'эсс неделю назад, когда дело уже было почти закрыто, ожидая возражений —

она умела возражать с тем видом разумного, который просто уточняет факты. Возражений не было. Она просто сказала: «Хорошо» и вернулась к своей книге. Ла'эрг тогда несколько секунд смотрел на неё, пытаясь найти в этом «хорошо» скрытую иронию, и не нашёл. Видимо, она уже тогда была уставшей.

Два месяца закрытого режима. Никаких клиентов. Никаких дел. Никаких конвертов под дверью и анонимных записок с координатами мест, которые он потом часами убеждал себя и её не проверять. Табличка на двери агентства перевёрнута на «Закрыто в связи с отпуском» с сегодняшней полуночи, он сделал это лично, уходя последним из кабинета.

Решение далось легче, чем он ожидал. Это само по себе было немного странно.

Ла'эрг откинулся в кресле и посмотрел в потолок, на котором играли затухающие тени от камина. Балки там были старыми, тёмными от времени - дом строили ещё при деде нынешнего городского главы, и строили основательно, без скидок на экономию. Сама же аллея Девяти Цветов получила своё имя за то, что каждый хозяин дома здесь высаживал что-то своё, и к нынешнему веку переулок превратился в узкий сад, где перемежались каштаны, жасмин, дикий виноград и ещё полдюжины видов, которые он так и не удосужился запомнить поимённо. Весной здесь было невозможно пройти, не чихнув. Тэа'эсс, у которой на пыльцу не было никакой реакции, находила это ежегодно смешным, и иногда

подшучивала над ним.

Он купил дом на пенсионные выплаты и единовременную надбавку за выслугу лет. Тэа'эсс добавила треть - молча, не ставя условий, что его тогда раздражало, потому что он не привык принимать деньги без оговорённых условий. Потом перестал раздражаться. Тридцать пять лет после корпуса Теней - достаточно, чтобы отвыкнуть от многих привычек. Или научиться жить с ними рядом.

Агентство назвали в честь кота. Это тоже была идея Тэа'эсс. Ла'эрг поначалу считал это легкомысленным, потом решил, что клиенты, которых отпугивает название агентства с именем кота, им не так уж и нужны.

В общем, так всё и вышло.

Угли в камине треснули тихо, выпустив искру. Искра поднялась, мигнула и погасла, не долетев до решётки.

Аррах снова урчал. Ровно и низко.

Ла'эрг смотрел на огонь.

Если подумать - вся эта биография звучала как что-то чужое. Отставной полковник, частное детективное агентство, дом с цветущим переулком, кот на коленях. Человек, который до пятидесяти семи лет считал, что единственное жильё, которое ему нужно, это казённая койка с тумбочкой. Пока не посмотришь на огонь. Пока не послушаешь, как Тэа'эсс дышит во сне.

Тогда перестаёт звучать как чужое.

Он поднял кружку с холодным кофе и сделал глоток. По-

морщился по привычке. Аррах дёрнул ухом, не просыпаясь.

В доме было тихо. По-настоящему тихо, так, как бывает только глубокой ночью, когда улица снаружи тоже спит, и единственные звуки - это потрескивание углей и чьё-то ровное и живое довольное урчание, которое издаёт кот.

Ла'эрг позволил себе ничего не думать ещё несколько минут.

Редкое удовольствие.

* * *

Аррах не был молодым котом.

Это было единственное, что Ла'эрг мог утверждать с уверенностью, не опираясь ни на что, кроме арифметики и своей памяти. Тридцать шесть лет. Он машинально посчитал, глядя на огонь, тридцать шесть лет, и кот лежал у него на коленях с видом существа, которое полагает, что именно так и должно быть устроено мироздание. Тяжёлый, тёплый, самодовольный, надёжный и спокойный. Как тот, кому можно довериться.

Серая шерсть без единой белой нитки. Глаза, когда открыты, цвета - старого янтаря, почти коричневый у краёв и светлый в середине, как будто где-то внутри него тлеет своя маленькая смола.

Ла'эрг однажды спросил у знакомого ветеринара - просто так, между делом, когда тот появился у них по другому поводу, сколько в среднем живут коты. Ветеринар назвал цифру. Ла'эрг кивнул и больше к этому не возвращался. Не по-

тому что цифра его устраивала. А потому что вопрос «почему» как-то не складывался в его голове в ничего, требующего ответа. Аррах жил. Аррах урчал. Аррах ел рыбу и то что ему нравилось по утрам, однажды принёс в кабинет мёртвую мышь с таким видом, будто принёс отчёт о тяжело проделанной работе.

Этого было достаточно.

Кот явился сам - это Ла'эрг помнил точно, потому что был уверен в своей памяти на детали. Девяносто второй год жизни, двадцать пять лет в корпусе Теней, тридцать шесть лет с мелочью частного сыска, память всё ещё работала так, как он от неё требовал. Так вот: Аррах явился в год открытия агентства. Они с Тэа'эсс только готовились повесить вывеску - аккуратную деревянную дощечку с выжженными буквами что здесь находится детективное агенство, которую Ла'эрг сделал сам, потому что профессиональные таблички стоили денег, а денег тогда было впритык. Это было с утра. К вечеру того же дня кот сидел у них на подоконнике за окном под дождём.

Не скулил. Не требовал. Просто сидел и молча смотрел - с тем специфическим выражением, которое у котов означает либо глубокое философское размышление, либо что они думают о своём. Тэа'эсс открыла окно, посмотрела на него и сказала:

- Он выбрал нас.

Ла'эрг спросил, что это значит. Тэа'эсс пожала плечами -

не уклончиво, а так, как пожимают плечами, когда не считают нужным объяснять очевидное. Он хотел возразить, что кот мог просто учуять запах еды, и что непонятно чей это кот, и что агентству не нужен кот, но Тэа'эсс уже взяла того на руки с уверенностью человека, у которого нет сомнений. Кот не вырывался. Не шипел. Лёг на руках так, как будто всегда так и было. Ла'эрг помолчал и открыл банку свежих сардин, купленных час назад на рынке, и дал тому поесть. Что кот и сделал, так же спокойно, как и сидел ранее за окном, ожидая когда откроют, несмотря на явно голодный вид.

Так всё и было тогда. Аррах остался с ними. Имя ему дали почти сразу. Почему такое, а не какое-то другое, они и сами не знают до сих пор. Просто так получилось. И прижилось, а кот был не против.

Агентство назвали в его честь. Потом клиенты начали приходить. Потом дела стали закрываться, одни быстро, так как не было ничего сложного, с другими приходилось повозиться, порой тратя ни них месяцы, но дела закрывались всё равно. Некоторые же дела были отложены ими, в связи с тем, что заказчики либо отказывались от продолжения расследования, либо умирали странным образом. Что поделать, их мир никогда не был добр к тем, кто тянулся к запретному, и к тем, к кому это запретное - тянулось само.

Ла'эрг так и не установил причинно-следственную связь между появлением Арраха и тем, что агентство выжило в первые т годы, но и опровергать её тоже не стал.

Сейчас кот лежал, не открывая глаз, и урчал - ровно, почти механически, как работает хороший паровой клапан, без перебоев и без усилий. Ла'эрг чесал его за ухом, не отрывая взгляда от огня. Жест настолько вошедший в привычку, что рука находила нужное место сама, за левым ухом, у основания, там, где шерсть была чуть гуще. Аррах никак не реагировал на это внешне. Только урчание становилось, кажется, немного ровнее и глубже.

Угли в камине оседали медленно. Жар уже спал до долгого, уютного тепла - того, что не греет, а скорее напоминает, что холода нет. За окном аллея Девяти Цветов спала вместе с остальным городом. Ни шагов, ни голосов. Только ветер изредка трогал листья каштана у левого угла дома — Ла'эрг узнавал этот звук, потому что ветка была старой и скрипела чуть иначе, чем молодые.

Он посмотрел на кота.

Аррах лежал, свернувшись неплотным клубком - одна лапа вытянута, другая подобрана, хвост описывал медленную, почти незаметную дугу. Шерсть в отсвете камина казалась тёплой, почти антрацитово-чёрной там, где свет падал не прямо, и тёмный будто сама тьма там, где уходил в тень.

Ла'эрг скользнул взглядом вниз.

На полу рядом с креслом лежал прямоугольник света от камина. Ровный, тёмно-красный, с медленно смещающимся краем по мере того, как угли оседали. Тень от кресла пересекала его наискось - тёмная, чёткая. Тень от ножки кофейного

столика. Тень от сложенной куртки на подлокотнике дивана.

Под котом тени не было.

Ла'эрг посмотрел на огонь.

Угли дышали ровно. Аррах урчал.

Он отвёл взгляд от пола и снова поднял кружку с остывшим кофе. Сделал глоток. Машинально продолжал чесать кота за ухом.

Мысль, если она вообще была, не оформилась ни во что конкретное. Просто взгляд упал - и соскользнул, как скользит взгляд с любой несущественной детали. Мало ли как падает свет. Мало ли что делает огонь с тенями в полночь, когда угли уже не горят по-настоящему, а только тлеют.

Аррах перестал урчать на долю секунды - коротко, как пропущенный удар сердца, и снова начал.

Ла'эрг смотрел на огонь.

* * *

Она перестала притворяться, что спит, именно так это выглядело. Не пробуждение, не вздрагивание, а просто тихое решение: достаточно. Тэа'эсс открыла глаза, несколько секунд смотрела в потолок, потом приподнялась на локте и убрала волосы с лица одним привычным движением - тёмные, почти до самых плеч, они у неё всегда выбивались из любой укладки к концу дня.

Она посмотрела на Ла'эрга.

Он прочитал это выражение ещё прежде, чем она успела что-то сказать. За почти шестьдесят с лишним лет научился. Не укор, не раздражение, просто констатация: сидит, значит. Снова.

— Который час? спросила она. Голос, тот, что бывает сразу после сна: ровный, чуть тише обычного, без вопросительной интонации. Скорее сверка, чем вопрос.

— Начало второго.

Тэа'эсс потянулась, позвонки в спине хрустнули негромко. Диван в гостиной был хорош для посетителей агентства и вполне терпим для дневного отдыха, но два часа ночи, это уже другой разговор. Она, впрочем, никогда не жаловалась на спину вслух. Только по утрам иногда двигалась чуть осторожнее, чем нужно.

— Дело закрыто, сказала она, глядя на него.

— Закрыто.

— И мы объявили два месяца тишины.

— Объявили.

— Стало быть, можно лечь спать.

— Можно.

Он не двинулся с места. Аррах урчал на коленях, ровно, не обращая внимания на разговор. Тэа'эсс смотрела на Ла'эрга ещё секунду, потом перевела взгляд на кофейник, стоявший на низком столике. Кофейник был накрыт плотным полотенцем, её собственная привычка, чтобы не остывал раньше времени. Она встала, прошла к столику, налила

себе кружку.

Сделала глоток. Поморщилась едва заметно, не от горечи, а от того, что всё равно успел остыть, хотя и не настолько, чтобы выплёскивать. Хороший кофе при ней никогда не переводили, и в этом она была солидарна с Ла'эргом полностью. Плохой, тоже пила без особых претензий, потому что иногда не было выбора.

Она не стала садиться обратно. Встала рядом с камином, глядя на угли. Огонь уже не горел по-настоящему, только жил, дышал медленно, как что-то, что устало, но не собирается останавливаться. Тэа'эсс держала кружку двумя руками.

Помолчали.

— Странный был, сказала она наконец. Без уточнения, кто, незачем. Дело крайнее было одно, призрак один, и оба понимали, о чём речь.

Ла'эрг посмотрел в огонь.

— Странный, согласился он.

Она имела в виду что-то конкретное, он знал. Тэа'эсс не бросала слова просто так, и «странный» у неё никогда не означало «необычный» в смысле профессионального интереса. Скорее — «не вписывается в то, что я привыкла считать нормой для подобных случаев». Дроу жили достаточно долго, чтобы иметь весьма устойчивые представления о том, что нормально, а что нет.

Сам он думал немного иначе.

Призрак действительно был странный, но не так. Не фор-

мой, не поведением, не тем, что тянулся к повышению ранга быстрее, чем должен был. Там было что-то в том, как он смотрел на Ла'эрга в самом конце. Не страх, не ярость, что-то другое, чему Ла'эрг пока не нашёл подходящего слова. Узнавание, может быть. Нет, не то.

Он не стал этого говорить.

Они оба молчали, и это молчание было из тех, что не требуют заполнения. Камин дышал. Аррах урчал. За окном ветер тронул старую ветку каштана, и та отозвалась коротким скрипом, привычным, почти домашним.

Тэа'эсс допила кофе, поставила кружку. Обернулась к нему.

— Спокойной ночи.

— Спокойной, отозвался он.

Она двинулась к лестнице, тихо, как всегда двигалась в темноте, не включая света: незачем, видела прекрасно и без него. У подножия лестницы задержалась на несколько секунд, не оборачиваясь, просто постояла, как будто хотела ещё что-то сказать, но не стала.

Шаги поднялись по ступеням и стихли.

Ла'эрг остался у камина.

Аррах не пошевелился, не повернул голову вслед Тэа'эсс, не привстал. Только открыл один глаз - медленно, без причины, и посмотрел куда-то в сторону лестницы. Или за лестницу. Или, может быть, просто в угол, где никого не было.

Потом закрыл.

Ла'эрг снял руку с его загривка и допил остывший кофе.

* * *

Полено занялось не сразу, секунду лежало, чернея по краям, потом выбросило длинный язык пламени, и огонь ожил с тем тихим звуком, который Ла'эрг за годы жизни в этом доме, так и не научился игнорировать. Что-то в этом звуке было - негромкий выдох, почти живой, всегда возвращало его куда-то, куда он не очень хотел возвращаться. Он и не возвращался. Просто слышал, и всё.

Аррах урчал на коленях ровно и размеренно, как хороший механизм. Тёплый, тяжёлый, бессмысленно живой посреди ночи. Ла'эрг не думал ни о чём конкретном, или, точнее, думал обо всём сразу, вполсилы, тем особым образом, который наступал не от физической усталости, а от долгого присутствия рядом с чем-то потусторонним. Не страх, не потрясение, просто некоторое исчерпание. Как будто часть тебя всё это время была слегка вывернута наизнанку и теперь медленно занимала своё обычное положение.

Почти три недели в доме инвалидов-ветеранов на северном краю Ахерона, недели разговоров с людьми, которые видели то, чего не должны были видеть, и боялись говорить об этом вслух, потому что уже были теми людьми, которым не все и не во всём верили по умолчанию. Призрак там был незаурядный, не в том смысле, что особенно опасный, а в

том, что слишком уж он сознательно тянулся вверх, к следующему рангу, методично и терпеливо, как кто-то, кто знает, чего хочет, и не торопится. Такое встречалось редко. Обычно у них не было этой направленности, только давление, голод, слепое расширение в стороны, пока не находишь способ закрыть дыру.

Этот - знал.

Ла'эрг покатал эту мысль, как непонятную до сих пор, и отпустил. Дело закрыто, материалы сданы, в ближайшие два месяца новых дел не будет. Они сами так решили, и это было редкостью: обычно либо дела не давали решать ничего, либо решение само рассыпалось в первую же неделю.

Два месяца отпуска, для них редкая роскошь. И они планировали этим временем насладиться, чтобы привести себя в порядок.

Он покачал в левой руке взятую незаметно для себя кружку с кофе, и смотрел, как отблески огня движутся в бордовом.

Аррах урчал.

А потом не урчал.

Именно так - не затихал постепенно, не переходил в более тихий режим, а просто перестал. Ла'эрг не поймал момента перехода, только через несколько секунд обнаружил тишину там, где только что был звук, и понял, что она стоит уже не первый момент. Камин потрескивал. Ветер снаружи тронул что-то деревянное. И больше ничего.

Кот не спал.

Ла'эрг это чувствовал по тому, как изменилось его тело на коленях - то едва уловимое натяжение в мышцах, которое отличало живую сосредоточенность от расслабленного сна. Аррах замер неподвижно - не той неподвижностью, с которой животные замирают перед броском, а другой. Медленной. Внимательной.

Потом поднял голову.

Ла'эрг проследил за взглядом - не сразу, через секунду, почти машинально.

Угол за старым креслом.

Там всегда было темно: огонь туда не добивал, единственная лампа стояла у дивана, а карта Ахерона, висевшая на стене над креслом, поглощала то немногое рассеянное освещение, которое до неё доходило. Ла'эрг видел этот угол каждый вечер когда они были дома - тридцать шесть лет, с тех пор как они купили этот дом. Деревянная спинка кресла. Тёмная бумага карты с мелкими обозначениями улиц. Паркет, чуть выбеленный по краям от времени.

Ничего.

Кресло пустое. Карта на месте. Угол как угол.

Он подумал: мыши. Потом подумал, что мышей в этом доме никогда не было, ни разу за всё время проживания. Аррах бы не позволил, и не потому что охотился: просто они к ним не заходили, ни мелкие грызуны, ни крупные, даже насекомые обходили их дом стороной. Они не могли объяснить

почему, и никогда особо не пытались.

Огонь тихо вздохнул в камине.

Аррах всё смотрел.

Ла'эрг убрал взгляд от угла и вернул его к огню. Нехорошая привычка, доверять коту больше, чем здравому смыслу. Хотя, если честно, с некоторых пор он не был уверен, что здравый смысл в вопросах потустороннего вообще применим. Двадцать пять лет в корпусе гвардии Теней приучили его с подозрением относиться к пустым углам, но те же двадцать пять лет в корпусе, его также приучили не видеть и не искать угрозы там, где её нет.

Угол был пуст.

Он это видел сам.

Аррах не двигался. Ни один мускул, ни кончик хвоста, полная неподвижность, которая у кота такого возраста должна была бы означать либо сон, либо смерть. Он не спал. Он смотрел. С тем спокойным, нечеловеческим терпением, с каким коты умеют смотреть в пустоту, пока ты не начинаешь думать и сомневаться, что, может быть, пустота - это ты.

Несколько секунд Ла'эрг сидел совершенно тихо, и камин потрескивал, и ветер снаружи шёл своим путём по старому каштану, и ничего не происходило.

Потом Аррах опустил голову обратно на лапы.

Медленно. Без спешки. Как будто убедился в чём-то, не нашёл угрозу и отступил, не потерял интерес, а именно убедился - и теперь можно было снова лежать. Глаза закрылись.

Хвост не шевельнулся.

Урчание не вернулось.

Ла'эрг подождал ещё немного, не намеренно, просто так вышло. Камин тихо работал своим делом. Кофе в кружке было почти допито. За окном Ахерон жил своей ночной жизнью, далёкий паровой свисток, вот послышались чьи-то шаги по ночной мостовой на дальнем конце аллеи, ничего примечательного. Всё как и всегда.

Он допил кофе, уже с той горечью, с какой она бывает у полностью остывшего кофе, механически, просто чтобы не оставлять, и поставил кружку рядом с кружкой Тэа'эсс.

Встал.

Аррах не отреагировал на движение. Остался там, где был, свернувшийся на пустом кресле, переместился туда незаметно, пока Ла'эрг вставал. Ла'эрг не поймал этого момента, просто обнаружил, что кот уже раз, и там, тёмным пятном на тёмной коже кресла, свернулся на снятом пледе с его колен. Глаза закрыты. Тихий.

Ла'эрг потянулся к ночной рунной лампе на стене.

Щёлкнул выключатель.

Комната стала темнее, только огонь ещё давал мало света - теперь угасающий, занятый собой, не способный дотянуться до углов. Угол за старым креслом исчез в темноте так, как он всегда исчезал по ночам. Карта Ахерона стала тенью карты. Кресло - силуэтом кресла.

Аррах на кресле был едва различим.

Ла'эрг развернулся к лестнице.

Ступени скрипнули под ногами, первая, как всегда, вторая через одну - и дом принял его обратно, тёплый, пахнущий деревом и остывшим кофе и ещё чем-то старым, что невозможно описать точнее, чем просто: здесь живут давно и спокойно.

Внизу камин догорал сам по себе.

Угол оставался тёмным.

Глава 2 - Двадцать три дня спустя

Паровая плита на кухне агентства «Аррах» требовала ровно двух вещей: времени и понимания того, что торопить её бессмысленно.

Ла'эрг знал это за все прошедшие годы.

Он стоял у плиты в старом домашнем халате, который Тэа'эсс дважды предлагала выбросить и дважды получала в ответ молчание - не несогласие, просто молчание, и смотрел, как под медным котелком разгорается синеватый огонь горелки. Кофейные зёрна он молол руками, не психоникой: так получалось правильнее. Помол не та операция, которую стоит делать мысленным усилием. Слишком легко передавить. Он однажды обратил горсть зёрен в пыль и с тех пор пользовался жерновой мельницей, тяжёлой, деревянной, купленной на городском рынке у торговца, который клялся, что мельнице двести лет и она переживёт Ахерон.

Скорее всего, так и было.

За окном кухни аллея Девяти Цветов лежала в утреннем свете - том особом, зимнем, горизонтальном, который не столько освещает, сколько подчёркивает тени. Каштаны вдоль мостовой стояли голые; снега не было, но земля под ними побелела от мороза, и дыхание выходило паром у немногочисленных прохожих, которых Ла'эрг видел краем глаза сквозь стекло. Молочник с паровой тележкой. Двое в

военных плащах - скорее всего, гарнизонные, шли в сторону нижнего квартала. Старуха с корзиной. Ребятня что спешила, кто в школу, а кто по своим - несомненно важным и необходимым делам.

Ничего, что требовало бы внимания. Всё как и всегда.

Он высыпал молотый кофе в котелок и убавил огонь. Двадцать третий день отпуска начинался так же, как двадцать второй, как двадцать первый, как все остальные: в тишине, в запахе нагревающегося металла и кофейной горечи, в том ровном состоянии покоя, которое он в молодости принял бы за скуку, а теперь умел ценить просто как отсутствие необходимости что-либо делать немедленно.

Аррах сидел на подоконнике.

Ла'эрг заметил его не сразу - кот умел устраиваться так, что становился частью обстановки, как кувшин или подставка для ложек. Тёмный, неподвижный, с хвостом, аккуратно обёрнутым вокруг лап. Он смотрел на улицу.

Не на молочника. Не на военных.

Чуть левее.

Там, где утренняя тень от ставни косо лежала на мостовой - ничего особенного, просто тень, геометрически правильная, поворачивающаяся вместе с солнцем. Ла'эрг посмотрел на неё секунду, перевёл взгляд на кота, снова на тень.

Тень как тень.

Аррах не двигался.

— За тенью следишь? произнёс Ла'эрг. Не спросил по-на-

стоящему, так, вслух. Кот не отреагировал. Тридцать шесть лет, и ни разу не отреагировал на имя, зато неизменно приходил, когда Ла'эрг или Тэа'эсс открывали дверцу в кладовку за кормом, или неспеша подходил к ним, когда те возвращались из магазина или с рынка. Разумный подход к жизни. Что тут ещё скажешь.

Кофе начало подниматься.

Он снял котелок с огня за секунду до того, как пена пошла бы через край — это тоже было отработано - и разлил по двум кружкам. Одна, с трещиной на ручке, его. Вторая, без ручки вообще, с характерным серым и странным узором как умеют только дроу, по краю - Тэа'эсс. Дроу не любили ручки на посуде. Ла'эрг перестал понимать почему примерно через год совместной жизни и перестал задаваться этим вопросом примерно через два.

Он взял свою кружку и «Имперский вестник», который с утра уже лежал на столе - доставка была по подписке, приходила в шесть, Ла'эрг обычно просыпался раньше, и проходил в гостиную как только приводил себя в порядок после сна.

Камин не горел. Ночной жар ещё держался в камнях, но огня не было. Ла'эрг сел в кресло, своё, то, что у камина, развернул газету и начал читать с той методичностью, с которой читал всё: сверху вниз, не перескакивая.

Торговые сводки. Цены на уголь выросли на три процента - предсказуемо, зима. Делегация дварфийских инженеров прибыла в столицу для переговоров о рунных железнодо-

рожных путях. Очередная аристократическая свадьба. Гарнизонные учения у восточного рубежа.

Он перелистнул страницу.

Ничего из того, что потребовало бы его вмешательства. Ничего, что он должен был бы запомнить. Газета делала своё дело, давала мозгу что-то, за что можно держаться, пока кофе остывал до нужной температуры.

Двадцать три дня позади. Тридцать семь впереди.

Он это знал точно, не потому что считал с нетерпением, а потому что в армии привыкают считать дни по-другому: не «сколько осталось», а «сколько прошло, и на сколько меньше вероятность, что тебя убьют именно сегодня». Гражданская жизнь поменяла контекст, но не привычку. Агентство закрыто для новых запросов. Тэа'эсс спит.

Всё в порядке.

Аррах вошёл в гостиную, Ла'эрг не слышал шагов, просто обнаружил кота сидящим посреди комнаты с видом существа, которое пришло по делу. Потом кот потянулся, с той медленной, сладкой основательностью, с какой умеют только очень старые или очень самодовольные создания, и направился к своему месту у дальней стены, плетёной подстилке, набитой военным войлоком, который Тэа'эсс меняла несколько раз в год.

Лёг. Свернулся.

Ла'эрг вернулся к газете.

Тэа'эсс появилась спустя час, когда он допивал кофе.

Он услышал её раньше, чем увидел - дроу двигались тихо, но не бесшумно, просто чуть иначе: не так, как люди с выправкой, а легче, скупее. Ступени не скрипели под ней почти никогда. Потом она вошла в дверь гостиной с кружкой в руке, своей, серой, и это было всё, что ей нужно было сделать, чтобы Ла'эрг понял: она выспалась. По-настоящему, что у дроу редкость, чаще всего они спали с той же готовностью к немедленному действию, с которой солдаты спят в казарме. Сейчас её не было. Движения медленные, взгляд ещё тёплый и уютный.

Она посмотрела на него. Он посмотрел на неё. Слова были не нужны.

Тэа'эсс прошла к дивану, забрала с него плед, тот, что Ла'эрг оставил вчера ночью, и устроилась в дальнем углу с кружкой в руках. Аррах приоткрыл один глаз, удостоверился, что ничего интересного не происходит, и снова закрыл.

За окном аллея Девяти Цветов жила своим утром.

Дом пах кофе и деревом и спокойствием, тем редким его сортом, который не требует никаких усилий для поддержания.

Ла'эрг дочитал газету до конца. Сложил аккуратно на столик, и рядом поставил пустую кружку.

Тридцать семь дней.

* * *

Стук.

Не в парадную, там всегда было тихо, аллея Девяти Цветов не баловала посетителями в середине дня, тем более на исходе третьей недели закрытого режима. В служебную, со двора. Три удара: равных, без нажима, без вопроса. Так не стучат, когда не уверены, дома ли хозяин. Так стучат, когда знают.

Ла'эрг молча и тяжело вздохнул, прежде, чем встать.

Тэа'эсс оторвала взгляд от окна, не спросила ничего, только проводила его взглядом, пока он шёл к двери. Аррах не пошевелился. Просто перестал лежать с закрытыми глазами, и приоткрыв их немного, стал смотреть на дверь.

За дверью стоял курьер в мышиного цвета формы Имперской почты. Нижняя половина лица скрыта под шарфом, несмотря на вполне терпимую погоду. Фуражка низко. Взгляд профессионально нейтральный, такой у людей, которым платят именно за то, чтобы они ничего не видели и не помнили.

В руках он держал плоский пакет. Хорошей плотной бумаги, проклеенный по краям, опечатанный двумя кругляшами тёмно-красного сургуча. Оттиск был виден даже с порога.

Герб столичного Храма.

Курьер молча протянул пакет. Ла'эрг взял. Расписался на принятие, тот подал бланк и убрал его обратно движением человека, который делал это тысячи раз и не собирается обсуждать что-то. Потом повернулся и ушёл со двора. Ни «доб-

рого дня», ни «распишитесь, пожалуйста», ни вообще каких-либо звуков, которые производит нормальный человек, пришедший по делу.

Ла'эрг постоял в проёме ещё несколько секунд, глядя в закрывающуюся калитку.

Потом посмотрел на пакет, и закрыл дверь.

Он положил пакет на рабочий стол агентства, не на кухонный, не на журнальный у камина, а именно сюда, на тот, за которым велись дела. Это был автоматический жест, почти армейский: вещи, требующие решений, кладутся в отведённое для решений место. Руки сделали это сами, раньше, чем голова успела решить что-то специально.

Он смотрел на пакет.

Сургуч был тёмным, почти бурым - столичный, настоящий, не тот суррогат из переработанной смолы, которым пользовались местные конторы. Оттиск чёткий. Герб - башня о трёх ярусах, с разомкнутым кольцом у основания - знак Имперского Храма, тот самый, который Ла'эрг последние десятки лет, старался видеть как можно реже.

Тэа'эсс подошла к нему, он не слышал, как она встала с дивана, просто обнаружил её рядом - плечо в полуметре от его плеча, взгляд опущен туда же, куда смотрел он.

Некоторое время они стояли так. Молча.

Сказать было нечего. Они оба читали печать, и оба понимали, что она означает, и оба знали, что из этого следует. Слова просто не добавили бы ничего нового к тому, что уже

висело в воздухе между ними и пакетом.

Аррах встал со своей лежанки.

Это само по себе не было событием, обычно когда ему надоедало лежать или смотреть в окно и хотелось поесть, или когда ему надоедало есть и хотелось куда-то лечь. Но сейчас он прошёл через всю комнату не к миске и не к подоконнику. К столу.

Сел перед пакетом. Потянулся носом - долго, методично, так что уши слегка сложились вперёд. Потом опустил голову и ещё раз прошёлся по краю, где сургуч.

Потом развернулся. Ушёл на диван, лёг и уставился на них обоих. Не на пакет - на них.

Молчал. Ла'эрг подождал пару секунд - зачем, он не смог бы объяснить, и взял нож для бумаг.

Сургуч поддался чисто, печати срезались целиком. Внутри обнаружились три папки из жёсткой бумаги, которая была только в Храмах, перехваченные тесьмой, и сложенный вчетверо лист плотного листа бумаги поверх всего. Под папками, что-то ещё, плоское, твёрдое. Он сдвинул их в сторону.

Карта. Хорошего масштаба, Имперская, на качественной и защищённой рунами, льняной бумаге. Несколько десятков отметин - красными чернилами, разного размера, разбросанных по территории в границах и за границами Империи.

Он не стал её разворачивать. Поднял верхний лист, сопроводительное письмо. Бланк столичного Храма, та же бумага, тот же шрифт, которым обычно пишут вещи, которые нельзя

не прочитать.

Левый верхний угол.

Слова, обведённые чертой: «Приоритет. Обязательно к исполнению».

Он читал дальше. Стандартное обращение к агентству, сухой перечень поводов для обращения: «серия потусторонних аномалий, требующих независимой экспертизы», «ряд инцидентов, не поддающихся классификации по действующим протоколам Храма», «незамедлительное начало работы». В конце - пятизначная сумма вознаграждения, внушительная, из тех, что не предлагают за рядовые запросы.

Подпись внизу.

Он знал эту подпись. Видел её прежде на официальных бюллетенях, на сводных отчётах, которые приходили в корпус Теней раз в квартал. Размашистая, с нажимом, с характерным твёрдым росчерком.

Кардинал Имперского Храма.

Тэа'эсс читала через его плечо, молча, так же как стояла раньше. Когда он дочитал и письмо оказалось на столе, прошло ещё несколько секунд тишины.

Потом она сказала - Отпуск закончился...

Не спросила. Не вздохнула. Просто произнесла, тихо и ровно, тоном человека, который смотрит на результат чужого подсчёта и подтверждает: да, цифры сходятся.

Ла'эрг посмотрел на карту. На красные отметины, разбросанные так, будто кто-то швырял точки наугад - и промах-

нулся во всё, что имело смысл. Слишком далеко от узловых точек. Слишком не там, где бывает.

- Тридцать семь дней, сказал он. Тэа'эсс промолчала. Аррах, уже перебравшийся на диван, смотрел на них. Молча. Внимательно.

* * *

Карту он расстелил первой.

Придавил углы - стаканом с карандашами и перьевыми ручками, старой пепельницей из тёмного гранитного камня, и парой лежащих на столе, старых боевых ножей. Лампа на краю стола давала жёлтый свет, достаточно яркий, чтобы читать, недостаточно тёплый, чтобы было уютно. Снаружи пошёл лёгкий снег - монотонно, без намерений, как будто просто за компанию.

Тэа'эсс встала рядом, чуть левее. Папки разложила сама: три стопки, методично, без лишних движений. Ла'эрг привык к тому, что она работает именно так - без суеты, без предварительных разговоров. Когда был материал, она работала с материалом.

Он нашёл на карте первую отметину.

Красные точки были разного размера - этого он раньше не заметил, смотрел в целом. Теперь, вблизи, разница стала очевидна: три крупные, четыре помельче. Три крупные — внутри Имперских границ. Одна средняя - прямо на ли-

нии границы с землями дроу, в месте, которое на официальных картах обозначалось как «спорная территория» и все эти десятилетия была спорной ни для кого, кроме картографов. Ещё одна - в нейтральной зоне Оэрри, которые в подобные истории не вмешивались в принципе, по убеждениям и по Пакту.

Две последних - он прошёлся по ним взглядом дважды - в местах, которые официально числились необитаемыми. Одно он знал по карте: голая равнина к северо-востоку, куда не ходили ни торговые, ни военные, ни разведывательные маршруты. Полная пустота. Второе, ещё дальше, в точке, которую на его рабочих картах времён корпуса Теней просто оставляли белым пятном.

Ни одна точка не совпадала с отмеченными зонами активности Запределья.

Они раскрыли первую папку.

Описания аномалий шли в хронологическом порядке - судя по датам в углу каждого листа, составлены по горячим следам, без правки. Первый отчёт - из имперского портового города на западе. Лаконичный, в военном стиле: «Население прекратило видеть сновидения. Срок - предположительно трое суток до момента фиксации. Жалоб на самочувствие нет. Причина не установлена. Аномалия исчезла самостоятельно».

Он перечитал последнюю строчку.

Прекратили видеть сны. Трое суток. Сами.

Второй отчёт - городской квартал в центральной провинции. Три дня в радиусе двух кварталов не наступала ночь: небо светлело до сумерек и держалось. Жители думали поначалу, что показалось - потом вышли с фонарями в полночь и обнаружили, что фонари не нужны. Четвёртые сутки - всё нормально. Храмовый аналитик приписал внизу: «Природный феномен исключён. Магический источник - не обнаружен».

Третий отчёт был длиннее.

Из земли выступили конструкции. Он остановился на этой фразе - она была написана совершенно обычным канцелярским языком, как будто речь шла о трещинах в мостовой. «Из земли выступили конструкции из неизвестного материала, высотой от трёх до примерно семи метров, правильной геометрической формы. Через час растворились без остатка. Анализ образцов - невозможен ввиду отсутствия материала».

Он отложил лист.

— Ни одна из них не вписывается в классификатор, сказал он, не глядя на Тэа'эсс.

— Да. ответила она. — Я уже смотрела третью папку.

Он взял следующий лист.

Дальше были ещё четыре описания, по одному на каждую оставшуюся точку. Разные. Совершенно разные по форме, по характеру, по тому, что происходило. В нейтральной зоне Оэрри реку на двое суток затянуло чем-то похожим на стек-

ло - непрозрачным, незыблемым, и рыба под ним не погибла, просто стояла неподвижно. В пограничной с дроу точке трое местных жителей проснулись с одинаковым незнакомым словом на языке, которого не знали - и не могли объяснить, что оно означает.

В необитаемых местах, ничего. Датчики сработали. Людей там не было, чтобы что-то заметить.

Он смотрел на карту.

— Смотри на даты, сказала Тэа'эсс.

Он посмотрел. Она уже держала несколько листов в руке, сложенных так, чтобы даты были видны в столбик.

Одни сутки. Все семь аномалий произошли в течение одних суток - с разницей в несколько часов. Самая ранняя - порт на западе, сны. Самая поздняя - река Оэрри, стекло.

Он взял карандаш.

Не для того, чтобы рисовать. Просто положил кончик на первую точку и медленно провёл взглядом по остальным, по порядку, от ранней к поздней. Потом ещё раз. Не соединяя линиями — просто смотря.

Получалась фигура.

Не случайный разброс. Не хаотичный. Что-то с внутренней логикой, с симметрией, которую он не мог пока назвать, потому что для неё не было слова в том, что он знал. Он опустил карандаш. Придвинул третью папку - техническую.

Данные с рунных датчиков наблюдения Храма, шли в виде таблиц: время, координаты, показатели по трём шкалам -

интенсивность, частота, тип сигнатуры. В каждой строке напротив «тип сигнатуры» стоял прочерк. Не «неизвестно» - именно прочерк, как ставят, когда данные есть, но не лезут ни в одну известную ячейку.

Примечание аналитика было напечатано отдельным листом, мелким шрифтом, плотно. Он читал его медленно.

В какой-то момент Тэа'эсс молча наклонилась и поставила перед ним чашку с чем-то горячим. Он не посмотрел, что именно.

Последний абзац примечания был короткий: «Источник предположительно Запределье. Масштаб не поддаётся стандартной оценке».

Слово «предположительно» было подчёркнуто от руки. Один раз, аккуратно, тонким пером. Не в раздражении, вдумчиво. Так подчёркивают, когда хотят, чтобы читающий понял: автор примечания сам не уверен, что написал правильное слово, но другого у него не нашлось.

Ла'эрг сел и откинулся на спинку кресла.

За окном снег на несколько секунд усилился, стал падать на подоконник чаще, потом снова монотонное шуршание.

— Кто-то открывал разрывы, сказал он. — Не случайно и не впервые.

Тэа'эсс не ответила.

Он посмотрел на неё. Она уже читала следующую страницу, ту, которая шла за примечанием аналитика. Держала лист двумя руками, чуть наклонив к свету. Лицо было ров-

ным, закрытым. Такое выражение у неё появлялось, когда она что-то находила и пока не решила, стоит ли говорить.

Он подождал.

Она не сказала ничего, только перевернула страницу.

Ла'эрг посмотрел на карту. На красные точки, на фигуру без названия, на белое пятно в северо-восточном углу, то место, которое на его рабочих картах оставляли пустым.

Подумал о слове «предположительно», подчёркнутом аккуратной рукой человека, который видел данные и всё равно не был уверен.

Потом взял чашку и наконец посмотрел, что в ней.

Кофе. Горький, без ничего. Как обычно.

Он сделал глоток. Кофе был горячим, почти обжигающим, и это было сейчас единственной вещью в комнате, в которой он был уверен.

* * *

Ла'эрг нашёл параграф примерно на четвёртой странице регламента, в том самом месте, где, судя по всему, разработчики документа решили, что к этому моменту читающий уже достаточно утомлён, чтобы не возражать.

Он зачитал вслух. Без выражения.

— «Частные агентства, имеющие лицензию на работу с потусторонними явлениями категорий с первой по шестую, обязаны принять к исполнению прямой запрос из Имперско-

го Столичного Храма, сопровождённый отметкой приоритета уровня "А". Отказ от исполнения без документально подтверждённой причины категории "Ограниченная дееспособность" является основанием для инициации проверки агентства и, при подтверждении нарушения, аннулирования действующей лицензии».

Он закрыл регламент.

Тэа'эсс стояла у окна спиной к нему. Смотрела на снег.

— И сколько они платят? спросила она.

Ла'эрг взял первую папку, нашёл нужный лист. Назвал сумму.

Тэа'эсс помолчала секунду. Снег всё сильнее бил в стекло.

— Это не оплата, сказала она.

— Нет.

— Это компенсация. За что-то, о чём они нам не сказали.

— Именно так я это и понял.

Она обернулась. Посмотрела на него с тем спокойным, слегка изучающим выражением, которое у неё появлялось, когда она уже приняла решение, но ещё не произнесла его вслух, как будто давала себе последнюю секунду на то, чтобы убедиться, что не ошиблась.

Ла'эрг отложил папку. Взял чашку, обнаружил, что она уже остыла, и поставил обратно.

— Можно потерять пакет, сказал он.

— Технически курьер ошибся адресом.

— Курьер в Храмовой службе не ошибается адресом. От-

ветила Тэа'эсс.

— Тогда сослаться на болезнь. Медицинская справка, три подписи, печать. Месяц выигрываем.

— За месяц в семи точках произойдёт ещё что-нибудь, и следующая папка будет толще. Сказала Тэа'эсс,

— Знаю.

— Можно уехать. В Ахероне не застанут.

— Уедем куда, к дварфам? Они нас примут, он помолчал.

— Но это уже не «не хотим браться», это «бегство». Разные вещи.

Тэа'эсс кивнула. Не потому что согласилась, она и до этого была согласна. Просто отметила, что он пришёл к тому же.

Ла'эрг посмотрел на карту, всё ещё расстеленную на столе. На красные точки. На фигуру, которая не была случайной.

Семь аномалий. Семь разрывов предположительно из Запределья. Масштаб, не поддающийся стандартной оценке - так было написано в примечании аналитика, который подчеркнул слово «предположительно» тонким пером и, судя по всему, впоследствии долго смотрел в стену.

— Если не мы, то кто-то, кто сработает хуже или лучше нас. Выбора всё равно особо нет. Сказал Ла'эрг.

Тэа'эсс не ответила. Она уже пересекала комнату, медленно, без лишних движений, как она всегда двигалась, когда что-то решала окончательно. Взяла со стола бланк принятия дела, поставила перед собой. Достала ручку.

Подписала.

Он смотрел на её подпись. Три знака дроу, которые он научился читать за шестьдесят лет и которые каждый раз выглядели так, как будто их написали за один выдох - без нажима, без остановки.

Потом взял ручку сам.

Поставил свою подпись под её. Его подпись рядом с её выглядело угловатым и нарочитым, как всегда.

Они оба смотрели на подписанный лист.

Бумага была плотной, хорошей - Имперский Храм не экономил на канцелярии. Печать Кардинала в верхнем углу была чёткой, тиснёной, красно-золотой. Красивый документ. Ла'эрг подумал, что при других обстоятельствах он бы оценил качество бумаги.

— Две подписи под одним приговором, сказал он.

— Не приговор, пока только повестка. ответила Тэа'эсс.

— Оптимистично.

— Реалистично.

Он взял лист, сложил, убрал в папку с отметкой «К делу». Папка легла поверх остальных. Стопка вышла неаккуратной, края не совпадали, а он не стал её выравнивать.

За окном снег пошёл ровно, как и шёл до того момента, пока не принесли документы. Не усиливаясь, не стихая. Просто снег в Ахероне в начале года, монотонный, обстоятельный, без намерений.

Ла'эрг посмотрел на карту ещё раз.

Фигура на ней по-прежнему не имела названия. Он поду-

мал, что к тому моменту, когда они доберутся до последней точки, название, вероятно, найдётся само.

Он не был уверен, что хочет это знать.

* * *

Снаряжение он разложил на кровати в час, когда снег за окном немного притих. Ла'эрг работал молча.

Оружие сначала, стандартно для него, хотя «стандарт» давно перестал совпадать с тем, что выдавали в корпусе. Табельный оружейный набор Теней был разобран и модифицирован за шестьдесят лет так методично, что от исходной комплектации осталось, пожалуй, только название и принцип. Пара армейских пистолетов с рунными усиливающими накладками, дварфской работы, не людской, люди так и не научились делать оружие лучше дварфов, быстрее, проще и массово - да, но не лучше.

Тонкая складная трость, которая при правильном обращении переставала быть тростью. Две кассеты с псионическими глушителями - пластины из серого матового сплава, которые при активации могли в радиусе ста десяти метров срезать чужое психическое давление почти до нуля. Иногда они помогали, иногда нет. Практика зависела от того, насколько источник давления вообще имел отношение к стандартной классификации. Но лучше чем ничего.

Полевой набор для работы с потусторонними следами он

упаковал отдельно, в плоскую сумку. Там была своя методика, инструменты укладывались в строгом порядке: сначала пассивные фиксаторы эмиссий, потом контейнеры для изоляции фрагментов разрыва, потом три особых хрустальных ампулы с нейтральным проявителем, потом рунные дощечки для первичной идентификации. Дощечки были дварфской работы - настоящие, подарком командира его первой роты, которые он получил на двадцать первом году службы, надеясь что Ла'эрг доживёт до пенсии.

Он дожил. Командир - нет.

Ла'эрг закрыл сумку.

Из соседней комнаты не доносилось почти ничего, только едва слышные, точные звуки: тихий шорох ткани, негромкий металлический щелчок, ещё один. Тэа'эсс собиралась быстро и тихо, так, как умеют только те, кто делал это много раз в темноте, без права на лишний шум. Её снаряжение всегда было разным, она никогда не раскладывала его напоказ, а он давно перестал спрашивать почему. Очередная привычка дроу. Знал в общих чертах почему, и этого хватало.

Карта осталась на столе в гостиной.

Он взял сумку и спустился по лестнице.

Аррах лежал на диване.

Не спал - это было сразу понятно. У спящего кота своя особая расслабленность, почти демонстративная: лапы убраны, глаза плотно закрыты, уши повёрнуты в сторону покоя. Аррах лежал иначе - совершенно неподвижно, лапы чуть по-

добраны, оба глаза открыты. Смотрел на Ла'эрга.

Просто смотрел.

Не мурлыкал. Не потянулся. Не сделал ничего из того, что коты обычно делают при появлении человека, к которому у них есть нажитое годами мнение и привычка.

Ла'эрг взял карту со стола. Сложил её аккуратнее, чем в прошлый раз - не из привычки к порядку, а потому что руки делали это сами. Убрал во внешний карман сумки.

— Мы скоро вернёмся, сказал он коту.

Аррах не пошевелился.

Продолжал смотреть тем же ровным, внимательным взглядом, в котором не было ни тревоги, ни равнодушия - что-то третье, чему Ла'эрг так и не подобрал названия за тридцать шесть лет, что кот прожил с ними рядом.

Он решил, что это просто кошачья манера. Коты умеют смотреть так, будто знают что-то важное - это просто устройство их физиономии, ничего больше.

Застегнул сумку. Поднял её с пола.

Вышел.

Тэа'эсс уже стояла в прихожей с собранными вещами, небольшой и аккуратно собранный дорожный мешок за спиной, второй, что покрупнее, у ног. Она натянула перчатку на левую руку и в этот момент посмотрела на него, коротко, оценивая. Убедилась, что он готов.

— Всё? спросила она.

— Да. Коротко ответил он. Как и всегда. Она кивнула.

Он открыл входную дверь. Снаружи пахло снегом, он не прекратился, только окончательно успокоился, превратившись в мелкую взвесь, которая скорее висела в воздухе, чем падала.

Тэа'эсс взяла второй мешок и переступила порог. Сделала три шага. Остановилась.

Он увидел, как она обернулась.

Не быстро, медленно, почти неохотно. Посмотрела на дом. На закрытую дверь, на окна, на тёмную полосу над карнизом, где дерево из-за снега стало выглядеть иначе. На крыльцо с вытертым ковриком. На фонарь у ворот, который горел неровно - нить в нём была старая, меняли её давно, а они всё забывали купить новый фонарь.

В этом взгляде не было сентиментальности. Тэа'эсс вообще не умела в сентиментальность, или умела, но прятала настолько хорошо, что за шестьдесят лет он так и не поймал её на этом. Это был другой взгляд. Взгляд человека, точнее - дроу, поправил он себя автоматически, который смотрит на место, куда планирует вернуться, и при этом знает, что планы такого рода принято проверять жизнью.

Ла'эрг ничего не сказал.

Закрыл дверь на замок. Щёлкнул засов, тихо, аккуратно, с умеренным нажимом. Ровно столько, сколько нужно.

Они пошли по аллее.

Укрытые снегом деревья стояли по обеим сторонам, и в свете редких фонарей ветки выглядели как белая паутина на

сером небе. Где-то в конце улицы шумел паровой механизм - привычный звук Ахерона, фоновый, почти незаметный, как дыхание города.

Их шаги на очищенной от снега плитке до парового депо с экипажами, звучали в такт...

Дом остался за ними. Внутри было тихо.

Аррах не сдвинулся с дивана сразу - ещё какое-то время лежал так же, как лежал при них: неподвижно, лапы чуть подобраны. Потом медленно, очень медленно, с той особой точностью движений, которая не имела ничего общего с кошачьей грацией - повернул голову.

Не к двери, за которой ушли Ла'эрг и Тэа'эсс.

В противоположную сторону.

Туда, где стояла стена. Обычная стена - известковая штукатурка, небольшой скол у плинтуса, который они так и не заделали. Ничего.

Аррах смотрел туда долго... И, молча.

В комнате не было никаких звуков, кроме снега за стеклом и редких щелчков остывающего дерева в камине, угли почти догорели. Свет был тусклый, угловой. Тени лежали там, где им было положено лежать.

Кот наклонил голову вправо.

Медленно. С той же точностью, когда метроном отбивает ритм. Как будто что-то услышал - или что-то взвешивал. Как будто кто-то невидимый задал вопрос, и он слушал его до конца, прежде чем составить ответ.

Прошло несколько секунд.

Потом он выпрямил голову. Переставил переднюю лапу. Свернулся немного плотнее - обычная поза ожидающего кота, ничего лишнего. Закрыл один глаз. Второй ещё оставался открытым, на мгновение - и смотрел в ничто посреди комнаты.

Потом закрылся тоже.

Аррах ждал.

Снаружи мелкий снег продолжал висеть над Ахероном, ровный, обстоятельный, без намерений.

Глава 3. Первая точка на карте

Они выехали ещё в темноте, по часам ещё не рассвело, хотя небо уже потеряло ту особую черноту, которая бывает только в середине ночи, и теперь посерело по краям, как уголь, из которого выгорело всё, что могло гореть.

Паровой экипаж Ла'эрг успел прогреть, пока Тэа'эсс укладывала их вещи в багажный ящик. Там было то, что нужно: аппаратура для снятия потусторонних сигнатур, три прибора разного разрешения, потому что один мог соврать, два - договориться, а три уже давали что-то похожее на правду. Аптечки. Сухой паёк на неделю. Оружие, само собой, без перечисления, просто было и всё.

Карта лежала на переднем сиденье, сложенная пополам. Семь красных отметок. Ла'эрг в последний раз посмотрел на них ещё дома, при свете, потом сложил и убрал так, чтобы доставать было удобно, а не думать, куда сунул.

Ахерон провожал их пустыми улицами. Фонари горели вполнакала, ночная экономия, привычка города. На дороге аллеи Девяти Цветов снег успел лечь ровно за ночь, и колёса оставляли за собой две параллельных борозды, которые тут же начинали заполняться мелкой позёмкой.

Тэа'эсс молчала. Сидела справа, смотрела в боковое стекло. Не напряжённо, просто смотрела. Ла'эрг иногда проверял скорость давления в котле и не спрашивал, о чём она дума-

ет. Он давно уже научился отличать молчание, в которое не стоит лезть, от молчания, которое само попросится наружу. Это было первого рода.

Город кончился раньше, чем небо окончательно посветлело.

За южными воротами дорога была расчищена ещё на несколько лиг, торговый тракт, по нему ходили регулярно. Паровик шёл ровно. Тэа'эсс чуть подалась вперёд, почти незаметно, когда последние дома Ахерона исчезли в зеркале заднего обзора, и снова откинулась на спинку.

— Первая точка — до неё сорок пять часов? сказала она наконец. Не вопросительно. Скорее сверяясь.

— Если дорога нормальная. Ла'эрг покосился на небо: снег не шёл, облака были высокими, не снеговыми.

— Деревня у дварфийской границы. В реестре записана как «незначительный выброс атмосферного характера».

Тэа'эсс помолчала секунду.

— Такая формулировка вообще существует в классификаторе?

— Нет, сказал Ла'эрг. — Не существует.

Больше про реестр они не говорили.

Тракт шёл через холмы, потом спустился в долину, где снега было меньше, задерживался наверху, на склонах, и долина стояла почти сухая, серо-бурая, с редкими пятнами наста в низинах. Ла'эрг вёл без спешки. Котёл держал давление. Скрип рессор был привычным, как дыхание.

Часа через три Тэа'эсс достала бумаги.

Аналитическую записку Храма, ту самую. Ла'эрг краем глаза отметил, что она держала её иначе, чем утром дома: листы были перевёрнуты, последний - снизу, лицом к ней. Она не перелистывала. Смотрела на один и тот же лист, прочитанный ею ещё вчера.

Ла'эрг повернул взгляд обратно на дорогу. Давление в котле было в норме. Дорога шла прямо.

Ни он, ни она не сказали ничего.

Так прошли ещё несколько часов.

На тринадцатом часу дороги тракт кончился, не закончился, а именно кончился, обрезанный примерно так, как иногда обрывается уверенность: без предупреждения. За последним вощёным указателем, на котором значилось название какого-то приграничного посёлка, дорога перешла в грунт. Потом в грунт плохой, с колеями. Потом, в просеку.

Паровик начало дёргать на ухабах. Ла'эрг сбросил скорость, перевёл клапан на малую подачу, выровнял ход, насколько это вообще было возможно. Ходовая жаловалась. Он её мысленно проигнорировал.

— Хуже, чем ожидал, сказал он, ни к кому конкретно.

— Ожидал?

— Рассчитывал. Карта показывала просеку, но не показывала, в каком она состоянии.

Тэа'эсс убрала бумаги. Посмотрела вперёд, через лобовое стекло, на которое налипло несколько мокрых хвойных игл.

— Держит?

— Пока да.

Просека была узкой, с двух сторон стоял лес, плотный, по большей части хвойный, с редкими лиственными деревьями, которые уже потеряли листья. Обычный приграничный лес. Ла'эрг смотрел на дорогу и только через несколько минут, когда экипаж преодолел очередную выбоину и качнулся, поднял взгляд чуть выше.

Деревья стояли неправильно.

Он не сразу понял, что именно его зацепило. Просто что-то не сошлось - как бывает, когда смотришь на знакомую вещь и вдруг видишь, что один угол у неё другой, чем должен быть. Он остановил экипаж.

— Что? сказала Тэа'эсс.

— Смотри на деревья.

Она посмотрела.

Лес с левой стороны просеки - вся та полоса, которая уходила в глубину, сколько хватало взгляда - стоял с наклоном. Не бурелом. Не сваленный ветром: стволы были целые, корни в земле. Не срубленный. Деревья просто наклонялись - медленно, постепенно, все в одну сторону, как будто тянулись к чему-то. Или от чего-то уходили. Разница была тонкая, и Ла'эрг не был уверен, что умеет её назвать.

— Буря? сказал он, без веры в это.

— Такой бури не бывает, ответила Тэа'эсс.

— Бури валят. Не наклоняют.

Он помолчал. Посмотрел на правую сторону: там деревья стояли ровно.

— Только слева, сказал он.

— Только слева, согласилась она.

Ла'эрг тронул экипаж снова. Ехал медленнее, чем прежде. Смотрел на лес - и лес смотрел в одну сторону, куда-то вперёд и правее, к тому, что ещё не было видно за поворотом просеки, к тому, куда вела первая красная точка на его карте.

* * *

Деревня звалась Марот, это Ла'эрг вычитал из бумаг ещё в Ахероне. Ничем не примечательное название для ничем не примечательного места.

Место, впрочем, оказалось именно таким.

Они оставили паровик у въезда, там, где грунтовка расширялась в нечто похожее на площадку, и дальше пошли пешком. Экипаж остыть всё равно не помешает, часы езды по просеке, дались ходовой тяжелее, чем он рассчитывал.

Марот был небольшим. Дюжина домов, может, чуть больше: бревенчатые стены, покатые крыши под слоем слежавшегося снега с коричневыми прожилками хвои. Из труб шёл дым - нормальный, живой, с запахом смолы и горящего торфа. Где-то за крайними домами слышались дети. Ла'эрг не мог разобрать слов, только голоса — высокие, скачущие, с той особой пустотой в смехе, которая бывает у детей, когда

они не думают, что их слушают.

Он остановился и прислушался.

Дым. Дети. Запах хлеба - где-то пекли, и запах был правильным, хлебным, без гари. Петух орал в дальнем конце деревни, некстати, потому что уже перевалило за полдень, но петухи в таких местах вообще не особо следят за временем.

Слишком нормально, подумал он.

Не «слишком тихо» это было бы понятно, с этим он умел работать. А именно - слишком нормально. Как будто кто-то аккуратно расставил всё на место и сказал: вот, смотри, всё в порядке. Неделю назад здесь зафиксировали выброс, который не поддавался классификации. Рунные датчики Храма поставили прочерк вместо типа - просто прочерк, без объяснений, и Ла'эрг за четверть века в корпусе Теней видел такое от силы раза три. А тут - петух, дети, хлеб.

— Амбар должен быть в центре, сказал он. — По карте.

Тэа'эсс шла рядом, чуть позади. Руки спрятаны в перчатки. Взгляд - спокойный, широкий, тот самый, которым она смотрела, когда запускала тепловое зрение параллельно обычному.

— Центр, вон там. Она показала. Он пошёл. Центром оказался пустырь.

Ла'эрг увидел его сразу за вторым рядом домов - открытое место, неправильной формы, размером с хороший амбар. Фундамент был на месте: прямоугольник серых замшелых камней, пригнанных плотно и аккуратно, как умеют только

люди в деревнях. Сам амбар - нет.

Не сгорел. Не снесён. Просто отсутствовал.

Ла'эрг остановился у ближнего угла фундамента. Смотрел.

Ни обломков, ни щепы, ни следов разбора. Обычно, когда сносят постройку, остаётся хоть что-нибудь - щепа в щелях между камнями, следы скоб, потемневшие пятна от смолы. Здесь было чисто. Не чисто как после уборки - чисто как после того, как чего-то не стало. Разница была тонкая, но он её чувствовал.

Земля внутри чуть темнее, чем снаружи.

Он присел, снял перчатку, осторожно и аккуратно коснулся камня. Холодный. Влажный. Обычный. Камень как камень.

Выпрямился, обошёл периметр.

Правая сторона. Левая. Дальний угол, где бревно должно было уходить в паз. Пустота. Внутренняя поверхность камней - без следов копоти. Земля между ними - тёмная, не чёрная: как будто её намочили изнутри и она ещё не высохла, хотя ночью был мороз.

Он принюхался.

Ничего горелого. Никакого прелого дерева. Обычный запах влажного камня и холодного воздуха, и ещё - что-то на самом краю, что Ла'эрг сначала принял за озон. Так пахнет воздух после грозы, когда молния ударила близко. Но грозы не было. Он это знал точно - проверял погодные записи в

бумагах Храма. Ни грозы, ни сильного ветра, ни чего-либо, что могло бы объяснить.

Он остановился.

Запах был, и одновременно его не было - как будто нюхаешь не воздух, а что-то за воздухом. Что-то, для чего у него не было слова. Он знал: есть запахи Запределья, и они все разные, и все неправильные - либо слишком сладкие, либо слишком острые, либо вообще не запахи, а ощущение, что запах должен быть, но его нет. Это было другим. Не запах Запределья. Что-то, похожее на след от него - как озон после удара, только удара не было.

Тэа'эсс стояла у дальнего края.

Она не зашла на тёмное пятно земли. Остановилась точно у линии, где цвет грунта менялся, и смотрела вниз - неподвижно, с той концентрацией, которую Ла'эрг научился узнавать за шестьдесят лет: она что-то читала. Не глазами.

Он не стал её торопить.

Обошёл пустырь ещё раз, медленнее, смотрел под ноги. Ни следов, ни примятой травы - трава под снегом, обычная. Снег вокруг фундамента лежал ровно, без проталин, без следов волочения.

— Ла'эрг.

— Да.

— Иди сюда.

Он подошёл. Встал рядом, не заходя на тёмное пятно - не потому что она не зашла, а потому что что-то в нём само

притормозило у этой линии. Не страх. Просто - пауза. Инстинкт, который стал его вторым зрением.

Тэа'эсс говорила тихо, почти без интонации, так говорят, когда пересказывают не мысли, а то, что видят прямо сейчас.

— Здесь что-то было. Не выброс. Она помолчала.

— Что-то открылось и закрылось. Аккуратно.

Ла'эрг смотрел на тёмную землю.

— Аккуратно — это значит?

— Это значит — намеренно, сказала она.

— Выброс не умеет быть аккуратным. Он рвёт. А это... — Она наклонила голову чуть в сторону, и он знал, что она сейчас смотрит на что-то, чего он не видит. — Это как шов. Открыли. Сделали что нужно. Закрыли.

Он молчал.

В голове повторялось слово из аналитической записки Храма: *сигнатуры, не поддающиеся классификации*. Прочерк вместо типа. И теперь - шов. Аккуратный. Намеренный.

— Остаточный след читается? спросил он.

— Слабо. Но, да.

— Тип?

Тэа'эсс наконец оторвала взгляд от земли и посмотрела на него.

— Никакого, сказала она. — Я не знаю, что это.

Это Ла'эрг и ожидал услышать. Это не сделало слова легче.

Он поднял взгляд на фундамент — на чистые камни, на

тёмную землю, на пустоту там, где стоял амбар. Посмотрел на наклонённые деревья за крайними домами - отсюда был виден их край, и они всё так же смотрели в одну сторону.

Кто-то умеет убирать за собой, подумал он.

И оставлять следы — именно такие, которые найдут только те, кто умеет читать.

* * *

Мужчина появился сам - вышел из-за ближайшего забора неторопливо, без суеты, будто просто решил подышать воздухом в эту сторону. Лет семидесяти, может, больше: кожа тёмная от многих лет на ветру, куртка с овчинным воротником, сапоги с налипшим на подошву белым суглинком с пустыря. Он не спросил, кто они. Он подошёл, остановился на расстоянии двух шагов и сказал просто, будто продолжал разговор, прерванный несколько минут назад:

— Вы из-за амбара? Хорошо, что приехали. Мы ждали.

Ла'эрг убрал записную книжку в карман.

— Ждали кого?

— Тех, кто умеет смотреть.

Никакой паузы. Никакого колебания. Просто факт, такой же обыденный, как «приехали из столицы» или «остановились на постоялом дворе». Мужчина говорил без значительности, без понижения голоса, и это было хуже, чем если бы он говорил с таинственным видом.

Он посмотрел на Тэа'эсс. Та стояла у линии тёмной земли, всё там же, где Ла'эрг её оставил, и мужчина смотрел на неё примерно так, как смотрят на пришедшего доктора: не почтение, не страх. Облегчение. Будто она что-то уже начала делать, просто фактом своего присутствия.

Тэа'эсс на него не посмотрела.

— Когда это случилось? спросил Ла'эрг.

— Не знаю точно, всё размыто. Мужчина наконец отвёл взгляд от неё.

— Лёг спать, амбар стоял. Встал, нет амбара. Просто нет. Земля тёмная, видите, он кивнул на пустырь, - но самого нет. Я думал, поначалу-то, что пожар. Но нет ни запаха, ни угля, ни бревна. Просто пусто.

— Звук был? Вспышка, гул, что-то.

— Ничего. Спали все, как всегда. Собаки не лаяли, я специально соседа спросил, у него их двое. Говорит: спали.

Ла'эрг записывал, хотя мог бы и не записывать, он запомнил бы. Руки нашли что-то привычное, пока голова обрабатывала детали.

Амбар исчез бесшумно. Ночью. Без каких либо следов, без тревоги у животных и людей.

Аккуратно, сказала Тэа'эсс. Шов.

— Жители ходят к пустырю? спросил он.

— Ходим. Мужчина сказал это без смущения.

— Каждый день кто-нибудь да придёт, постоит. Не чтобы посмотреть, смотреть там не на что. Тянет. Он помолчал се-

кунду, подбирая слова, не потому что боялся, а потому что слова были неточные.

— Как от очага тепло, только не снаружи. Изнутри. Идёшь и думаешь: зачем иду? А ноги уже несут.

Ла'эрг поднял взгляд от записной книжки.

— Боитесь?

Мужчина посмотрел на него с лёгким удивлением, тем видом, каким смотрят, когда вопрос задан не то чтобы неправильно, но как-то наивно. Как если бы Ла'эрг спросил, холодно ли пить воду.

— Нет. Пауза.

— Должны были бы, наверное. Амбар пропал, место странное, непонятно что. Должны бы бояться. Но вот нет.

Он сказал это без вызова. Просто констатировал.

— Дети тоже ходят, добавил он.

— Мы не запрещаем. Он остановился на слове, пожевал его. — Не знаем почему не запрещаем. Так выходит.

В деревне где-то стукнула дверь. Кто-то окликнул мужчину по имени, Ла'эрг не разобрал, и тот оглянулся, поднял руку: подожди.

— Вы останетесь смотреть? спросил он, поворачиваясь обратно.

— Да.

— Хорошо. Мужчина снова взглянул на Тэа'эсс, коротко, но с тем же выражением облегчения.

— Если что нужно будет — я Гертох, дом крайний к до-

роге. Стучите.

Он ушёл обратно за забор, не спеша, не оглядываясь.

Ла'эрг стоял и смотрел ему вслед, пока шаги не затихли.

Потом перечитал написанное. *Тянет. Изнутри. Дети тоже ходят.* Он написал под этим одно слово и подчеркнул его дважды: *работает*.

Тэа'эсс подошла тихо, он не слышал шагов по снегу, просто в какой-то момент она оказалась рядом. Встала так, чтобы её не было слышно от ближайших домов.

— Слышала? спросил он.

— Да.

Голос у неё был ровный, но Ла'эрг научился слышать ровный голос Тэа'эсс, там, где другой человек услышал бы просто «да».

— Это не случайный выброс, сказала она.

— Выброс не работает так. Выброс рвёт и уходит. Она смотрела на пустырь. Деревья за крайними домами всё так же были наклонены в одну сторону, к пятну тёмной земли.

— Что бы здесь ни открылось, оно оставило след намеренно. И след работает.

Ла'эрг убрал записную книжку. Посмотрел на наклонённые деревья. Потом на людей: вдалеке, у плетня, двое мужчин занимались своим делом, тесали что-то, но один из них за время разговора с Гертохом уже дважды повернул голову в сторону пустыря. Не смотрел. Просто поворачивал голову, как поворачивают к теплу.

— Приманка, сказал он.

Тэа'эсс не ответила. Это тоже был ответ.

Где-то в деревне снова стукнула дверь. На этот раз не закрылась, кто-то вышел на улицу, остановился. Ла'эрг не оборачивался, но слышал: шаги. Медленные. В их сторону. Не к ним, к пустырю.

Ноги несут, сказал Гертох.

* * *

Тэа'эсс остановилась у края пятна, не переступая.

Смотрела на него секунд десять, не вниз, а как-то ровно, будто измеряла. Потом оглянулась на Ла'эрга и показала рукой: останься.

Он остался. Не спорил: у него да и у неё, были разные жесты - есть «не лезь, здесь опасно», есть «мне нужно сосредоточиться», есть «я не знаю, что это, и лишние переменные мне сейчас не нужны». Это было третье.

Он отступил на два шага и начал смотреть по сторонам, привычка, которую не вытравить: периметр. Деревня стояла в молчании. У плетня, метрах в семидесяти, переминались трое - двое мужчин и женщина в тёмном тулупе. Не разговаривали. Стояли и ждали, как ждут, когда доктор выйдет из комнаты с больным. Не страх. Что-то другое.

Ла'эрг отметил их положение и переключился. Тэа'эсс шагнула на тёмную землю.

Под её ногой не хрустнуло. Снег там лежал странно - не примятый, а как будто осевший, слежавшийся в тонкую корку без текстуры. Она прошла к центру пятна медленно, почти осторожно, хотя он знал, что она шла не осторожно, она шла внимательно. Разница существенная.

Встала. Закрыла глаза.

Ла'эрг скользнул взглядом по дальнему краю пустыря - там, где когда-то был амбар, и начал считать.

Раз. Два. Три.

Ветер, который гнал поземку от леса, стих. Ла'эрг это заметил не сразу - просто в какой-то момент обнаружил, что снег больше не скользит по щиколоткам, а стоит. Тишина стала другой. Не деревенской, там всегда есть фон: дерево скрипит, ворона садится, далеко кто-то топит печь, шумит какая-то скотина. Здесь фон не пропал, но отодвинулся. Как будто кто-то убрал громкость на одну деление.

Двадцать один. Двадцать два.

Запах он поймал на двадцать пятой секунде.

Озон - не после грозы, а более резкий, почти химический. И под ним что-то ещё, что Ла'эрг не мог назвать словом из нормального языка: не гарь, не сырость, не металл. Что-то, у чего не было имени. Что-то, что нос регистрировал как запах, но разум не мог упаковать в категорию.

Он не двинулся. Стоял и дышал ровно.

Сорок восемь. Сорок девять. Пятьдесят.

У Тэа'эсс чуть изменилось положение головы, она не от-

крыла глаза, но чуть приподняла подбородок. Как будто слушала что-то наверху.

Сто шесть. Сто семь.

Трое у плетня не уходили. Один из них - тот, что пониже, сделал полшага вперёд и остановился. Ла'эрг смотрел на него краем зрения. Ноги несут.

Сто шестьдесят три.

Тэа'эсс открыла глаза.

Зрачки у неё были расширены почти до радужки - не темнота расширила, среди бела дня. Спектральное зрение, ночное, тепловое. Она смотрела не на землю под ногами, а куда-то сквозь неё - или сквозь то, что было поверх земли и чего Ла'эрг не видел. Так смотрят не на предмет, а на след, который он оставил в воздухе.

— Энергетический след есть, сказала она. Голос ровный.

— Остаточный.

Она говорила негромко, не к нему, или к нему, но как говорят, когда важно произнести вслух, чтобы мысль встала на место.

— Не совпадает ни с одним типом из классификатора Храма. Ни с тем, что мы знаем сами.

Пауза.

— Не Запределье. Не в стандартном понимании. Запределье рвёт. Это - нет. Это как будто кто-то очень аккуратно вырезал кусок реальности, посмотрел, что внутри, и вернул обратно. Аккуратно. Чисто. Она моргнула, и зрачки начали

сужаться, медленнее, чем должны были.

— Слишком чисто.

Ла'эрг ждал, пока она договорит.

— Это случайный след или направленный? спросил он.

Тэа'эсс замолчала.

Не потому что не слышала, она слышала, он видел по плечам. Молчала, потому что проверяла ответ ещё раз. Потом ещё.

Восемнадцать секунд.

— Направленный, сказала она.

Она посмотрела на него.

— И читаемый. Для тех, кто умеет читать.

Ла'эрг вспомнил, как Гертох говорил: *ноги несут*. Сказал без вызова. Просто констатировал.

Дети тоже ходят. Мы не запрещаем. Не знаем почему не запрещаем.

Он не стал отвечать вслух. Кивнул.

Тэа'эсс вышла с пятна, так же медленно, не торопясь. Ла'эрг не смотрел на неё: он уже шёл вдоль края, по часовой стрелке, глядя под ноги.

Снег у края пятна лежал нормально, ноздреватый, со следами. Дальше, в метре от границы, трава торчала из-под снега так, как торчит всегда: прямо, пожухлая, зимняя. Ла'эрг шёл медленно. Раз, другой. Остановился.

У дальнего края пятна, там, где земля переходила обратно в снег, трава наклонялась внутрь. Не примятая, не так,

как если наступить или лечь. Именно наклонённая: каждый стебель живой изгибался к центру пятна, как люди у плетня поворачивали головы к теплу. Как деревья на просеке у леса. Та же геометрия. Та же логика без видимой причины.

Ла'эрг присел на корточки, посмотрел ближе. Стебли были целые - не сломанные, не вырванные. Просто росли немного не туда.

Он не стал говорить об этом вслух.

Достал записную книжку. Написал: *трава по краю — наклон к центру. Не механическое. Биологическое?* Поставил знак вопроса. Потом дописал снизу: *те же деревья. Та же ось.*

Убрал книжку.

Тэа'эсс стояла рядом, он не слышал, как она подошла, она просто была рядом. Смотрела туда же, куда и он.

Ла'эрг выпрямился. Посмотрел на пятно. Посмотрел на жителей у плетня.

Те не уходили.

* * *

Дорога из деревни шла через просеку, утоптанная колея, по которой возили дрова, а теперь не возили ничего: снег лежал ровно, без следов полозьев. Только их двое, только след от сапог. Экипаж стоял у въезда, в четверти версты, за поворотом, где лесополоса кончалась и начиналось поле.

Ла'эрг развернул карту на ходу. Остановился. Держал её двумя руками, ветер попытался забрать, не преуспел.

Семь точек. Он смотрел на первую - вот она, деревня позади, кружок карандашом, его почерк. Потом на вторую. Третью. Четвёртую. Двигался взглядом по листу, как ходят по следу: методично, не торопясь, не перескакивая.

— Если каждая точка оставила такой же след, сказал он, не поднимая взгляда от карты.

— Читаемый, аккуратный, без сопутствующего разрушения, это не выброс.

Он провёл пальцем по воздуху над листом: от первой точки к третьей, к шестой, к пятой. Линии не совпадали ни с какой знакомой геометрией, но в них что-то было. Внутренняя логика. Не случайный разброс.

— Это маршрут.

Тэа'эсс шла рядом. Молчала.

Не её молчание, когда думает. Другое: когда уже думала и ждёт, пока он догонит.

Карта хрустела на морозе. Ла'эрг свернул её и убрал за пазуху. Подождал.

— Или приглашение, сказала она.

Он посмотрел на неё.

Она смотрела на дорогу впереди. Профиль: ровный, без выражения. Только в уголке рта что-то такое, что он научился читать, беспокойство, нет. Точнее: беспокойство, которое уже стало рабочим фактом и теперь просто существует.

— Семь точек. Семь следов. Для тех, кто умеет читать. Она помолчала на счёт один. — Мы умеем читать. И мы здесь.

Ла'эрг не ответил. Не потому что нечего было сказать, потому что она сказала именно то, что он уже думал, и добавлять было незачем.

Они пошли дальше.

Просека была тихой. Не мёртвой тишиной, живой, зимней: где-то в кроне скрипнула ветка под снегом, где-то стукнул дятел два раза и замолк. Нормальный лес. Нормальная дорога.

Ла'эрг думал о записке Храма.

Незначительный выброс атмосферного характера. Четыре слова. Он перебирал их, как перебирают гильзы после стрельбы — не торопясь, на вес. Аналитик Храма, который составлял сводку, видел те же сигнатуры, что Тэа'эсс читала двадцать минут назад. Видел и написал - *атмосферного характера*. Без типа. Без классификационного кода. Просто прочерк и четыре слова.

Это не ошибка. Аналитики Храма не делают таких ошибок - их учат семь лет, потом ещё два года практики, потом экзамен перед тройкой Кардиналов. Они не путают выброс с атмосферным явлением. Не когда след такой чистый. Не тогда, когда рунные датчики дают прочерк вместо типа.

Кто-то в Храме знал.

Знал и решил не называть это своим именем.

Ла'эрг не стал пока разворачивать мысль дальше. Только взял её, сложил аккуратно и убрал — туда же, где лежал вопрос о фигуре из семи точек и о жителях, которые тянулись к пустырю и не знали зачем.

Потом вспомнил сургуч.

Пакет из Храма лежал на столе, Тэа'эсс уже читала аналитическую записку, а Аррах, он обнюхал сургуч. Не пакет, не бумагу. Именно сургуч, с отпечатком печати. Потом отошёл. Не к двери, не к своему креслу - к ним. Сел между ним и Тэа'эсс и смотрел попеременно на обоих.

Ла'эрг поймал себя на этом воспоминании и намеренно отогнал его.

Кот есть кот. Сургуч пах чем-то интересным. Воск, смола, печать - это запахи, коты реагируют на запахи. Это не значит ничего.

Мысль ушла.

Вернулась через пять шагов.

Он убрал её снова, уже без объяснений, просто убрал. Занёс в список вещей, которые пока не имеют категории.

Тэа'эсс остановилась.

Просека кончалась в двадцати шагах впереди, за ней открывалось поле, и на краю поля стоял их экипаж. Но она стояла лицом назад, туда, откуда пришли. Смотрела на деревню, которой отсюда уже не было видно за деревьями, только крыши, только дым из труб, прямой в безветренном воздухе.

У пустыря кто-то ещё стоял. Отсюда не разглядеть лица,

только силуэты. Двое или трое. Смотрели не в их сторону. Смотрели на пятно.

— Ла'эрг, сказала она.

Не вопрос. Просто имя, способ обозначить, что сейчас скажет что-то, от чего он не должен отмахнуться.

— Тяга, которую они чувствуют.

Она помолчала. Дыхание её оседало паром, медленно, ровно.

— Я её тоже чувствую. Слабо.

Пауза.

— Но чувствую.

Ла'эрг стоял рядом. Смотрел туда же, на силуэты у пятна. Потом на неё. Она не смотрела на него: смотрела вперёд, прямо, с тем же ровным профилем. Только дыхание чуть изменилось, на выдохе немного длиннее, чем на вдохе.

— Это не должно было остаться, сказала она.

— Такие следы не остаются сами. Это оставили специально.

Ла'эрг не ответил сразу.

Смотрел на силуэты. На дым из труб. На белое поле за просекой, где стоял экипаж.

— Для нас, сказал он наконец. Не вопросительно.

Тэа'эсс не ответила.

Что и было ответом.

Он достал карту снова. Развернул. Посмотрел на семь точек. Потом на первую. На пометку, которую сделал ещё в

Ахероне: *начать здесь*.

Снег хрустнул под сапогом, когда он переступил с ноги на ногу.

— Шесть точек, сказал он.

* * *

Темнело быстро.

На севере всегда темнеет быстро, будто кто-то решительно задёргивает штору, без предупреждения, без постепенности. Только что синело небо над полем, уже чёрное.

Ла'эрг вёл экипаж сам. Трактовая дорога была пустой, паровой котёл под сиденьем гудел ровно, привычно, и это гудение было единственным звуком кроме хруста снега под колёсами.

Тэа'эсс сидела справа. Глаза закрыты. Руки сложены на коленях, ровно, без напряжения.

Он знал по дыханию, что она не спит. Когда она спала, дыхание становилось чуть глубже и чуть медленнее, разница небольшая. Сейчас она просто молчала с закрытыми глазами, и это было её право.

Он дал ей полчаса.

Потом сказал:

— Что было на последней странице.

Не вопрос. Он уже знал, что там было что-то — иначе зачем держать лицо закрытым, иначе зачем ждать до места,

иначе зачем говорить *я хотела сначала убедиться* раньше, чем он это спросил. Она готовилась к этому разговору. Значит, разговор будет.

Тэа'эсс открыла глаза. Не повернулась, смотрела прямо, на дорогу, на полосу, которую выхватывали фонари экипажа из темноты.

Молчала.

Он не торопил. Дорога шла через редкий лес, берёзы по обочинам, белые стволы, мелькающие в свете фонарей как кости.

— Список координат, сказала она наконец.

— Все семь точек. С датами.

Он ждал.

— Точными датами. Не приблизительными. Не «около такого-то числа». Число. Час.

Ла'эрг смотрел на дорогу. Снег лежал по обочинам плотными валами, дорожная служба чистила трактовую дорогу исправно.

— Записи датированы за две недели до того, как аномалии произошли.

Деревья мелькали. Котёл гудел.

— Понял, сказал он.

Тэа'эсс чуть повернула голову, не к нему, но угол изменился. Смотрела теперь куда-то между дорогой и лесом.

— Кто-то в Храме знал заранее. Или кто-то составил записку уже после, но поставил дату раньше. Короткая пауза.

— Я не знаю, что хуже.

Ла'эрг думал.

Если знали заранее, значит, у кого-то в Храме была информация о том, что произойдёт, до того, как это произошло. Откуда берётся такая информация? Либо сами организовали. Либо получили от того, кто организовал. Оба варианта сходились в одном месте: дело, которое им дали, не расследование аномалий. Расследование предполагает, что заказчик не знает ответа. Здесь заказчик знал координаты и даты раньше самих событий.

Это что-то другое.

Приглашение. Проверка. Или ловушка, но слишком странная для обычной ловушки, и слишком бессмысленная, если цель просто ликвидация одного детектива на пенсии и его спутницы дроу. Для этого не нужно организовывать семь аномалий в разных точках мира.

Значит, нужны именно они. Живые и на месте.

Это не стало легче от осмысления.

Он перехватил рукоятку управления поудобнее, не от напряжения, просто руки затекли.

Деревья кончились. Пошло открытое поле, и стало светлее, снег отражал остатки вечернего неба на западе, тонкую синюю полосу над горизонтом.

— Почему не сказала сразу, сказал он. Тоже не вопрос.

— Потому что хотела сначала увидеть место, ответила она ровно.

— Убедиться, что я правильно читаю.

Пауза. Длинная, такая, в которую он не стал вставлять слов.

— Я правильно читаю.

Он кивнул.

Больше говорить было нечего, не потому что слова кончились, а потому что всё, что нужно было сказать, уже было сказано. Записи с точными координатами за две недели до событий. Семь точек, фигура с внутренней логикой, след, оставленный специально для тех, кто умеет читать. Тяга, которую чувствуют местные жители. Тяга, которую чувствует Тэа'эсс.

Дело не о расследовании.

Ла'эрг смотрел на дорогу. Синяя полоса на горизонте гасла, медленно, неохотно, как будто последний свет цеплялся за небо руками.

Потом погасла.

Стало темно. Только конус фонарей впереди, только белый снег по бокам, только гудение котла.

Тэа'эсс закрыла глаза снова. Он не стал смотреть на неё, незачем. Он знал, что она думает о том же. Что она уже просчитывает шесть оставшихся точек, уже строит схему, уже ищет в памяти что-то, что могло бы объяснить сигнатуру, которую она описала как *не поддающуюся классификации*.

Ищет и, скорее всего, не находит. Иначе бы сказала.

До Ахерона оставалось ещё около часа.

Они проехали его молча.

* * *

Они приехали около полуночи.

Дом встретил их темнотой, не тревожной, а просто незажжённой: никого, кто включил бы фонарь у крыльца, никого, кто бросил бы уголь или дрова в камин за час до возвращения. Тэа'эсс отперла дверь, пока Ла'эрг ставил паровик в гараж. Когда он вошёл, в прихожей уже горел один настенный светильник, она зажгла его и прошла дальше, не оборачиваясь.

Он снял пальто. Стянул перчатки. Кончики пальцев ещё не отошли от холода, он провёл ими по деревянной вешалке, просто чтобы почувствовать фактуру.

Аррах сидел на подоконнике.

Не на диване, не на кресле, на подоконнике в гостиной, там, куда днём никогда не садился: слишком узко, слишком далеко от тепла. Сидел прямо, как статуэтка, и смотрел в сторону, не на дверь, не на них, а куда-то влево, в ту сторону, откуда они приехали. Дорога на север. Первая точка.

Ла'эрг посмотрел на кота секунду. Потом прошёл к столу.

Не потому что это было нормально. Просто не было смысла останавливаться перед каждой деталью, которую мозг фиксировал, но не мог встроить в схему: за последние сутки таких деталей накопилось достаточно.

Он расстегнул сумку. Достал карту, ту самую, с пометками, с семью красными точками по периметру и одной в центре, пустой. Разложил на столе, придавил углы подсвечником и чашкой, которую Тэа'эсс оставила здесь ещё перед отъездом. Чашка была холодной.

Первая точка. Старый и странный хутор в сорока пяти часах к северу от Ахерона - место, где стоял амбар, а теперь не стояло ничего. Ни золы, ни сгнивших досок, ничего... Просто земля. Трава вокруг наклонялась к центру, как будто там было что-то тяжёлое. Деревья на границе участка, тоже, по полуметру изгиба в каждом стволе.

Местные тянулись туда. Каждый день - кто-то приходил, стоял, уходил. Не говорили почему.

Он взял карандаш. Написал коротко, как привык — без предложений, только факты:

след намеренный, читаемый; сигнатура нетипичная не поддаётся классификации; жители не боятся, тянутся; амбар - без следов разрушения; трава и деревья к центру.

Поднял карандаш. Подержал. Добавил снизу, другим нажимом:

записи Храма содержат точные координаты с датами — за две недели до событий.

Смотрел на написанное.

Слова выглядели нормально. Это было хуже всего, такие вещи не должны выглядеть нормально, не должны ложиться в таблицу наблюдений аккуратными строчками. Они должны

были выглядеть как ошибка, как недоразумение, как что-то, требующее немедленного объяснения.

Они не требовали. Они просто лежали там, написанные его рукой, и ждали.

Тэа'эсс вышла из-за его спины, положила руку на спинку стула, он почувствовал движение воздуха и молча пошла к лестнице. Ни слова. Он не обернулся.

Шаги по ступеням. Тихие. Потом наверху закрылась дверь.

Аррах спрыгнул с подоконника.

Ла'эрг не смотрел, он услышал мягкий удар лап о пол, потом тишину, потом ещё одно мягкое прикосновение, кот запрыгнул на стол. Сел рядом с картой. Не на карту - именно рядом, у края, как будто соблюдал границу.

Ла'эрг посмотрел на него.

Аррах смотрел на карту.

Не мимо, не сквозь, именно на неё. На красные точки. Или на пустой центр. Или просто на бумагу — кот, в конце концов, кот.

— Ты тоже умеешь читать карты? сказал Ла'эрг.

Аррах не шевельнулся. Не повернул голову, не дёрнул ухом. Просто смотрел.

Ла'эрг свернул карту. Убрал в сумку. Карандаш - в нагрудный карман.

Аррах остался сидеть на столе. Смотрел теперь на пустое место, туда, где только что лежала карта. Потом медленно,

без спешки, повернул голову.

Ла'эрг этого не увидел. Он уже шёл к камину, спиной к столу, в дальний угол, где стояло его кресло.

Он сел. Камин молчал, холодный, чистый, даже золы почти не осталось. Тэа'эсс уже успела его почистить.

Он смотрел на решётку камина и думал.

Семь точек. Семь следов, каждый аккуратный, и каждый как тот первый где они были, скорее всего читаемый, как буквы в алфавите. Записка с датами, которых не должно было быть ни у кого, кто просто регистрирует аномалии после факта. Сигнатура, которую Тэа'эсс описала словами *не встречала раньше* а она встречала многое. Жители, которые тянутся к месту, где было что-то страшное, как будто страшного там не было вовсе.

Три вопроса.

Кто оставил следы именно такими, намеренно читаемыми?

Кто знал координаты и даты заранее?

Кто именно, дал им это дело?

Он не исключал, что это один ответ. Он не исключал, что это три разных. Оба варианта были одинаково неудобны, просто по-разному.

За окном тишина. Ветер, редкий, почти без голоса, только дерево за углом скрипело раз в несколько минут. Ветер дул с севера.

Со стороны первой точки.

Ла'эрг смотрел на погасший камин. Не ждал, просто смотрел: давняя привычка думать, глядя на огонь, и давняя готовность к тому, что огня нет. Иногда проще. Огонь живой, у него есть форма и движение, он норовит что-нибудь означать, а пустая решётка - просто решётка.

Пустая решётка не врёт.

Он закрыл глаза. Ненадолго, просто чтобы убрать стол, карту, кота, тёмные окна, синюю полосу неба, которой давно не было, и голос Тэа'эсс: *я правильно читаю*.

Да. Правильно.

Кто-то знал. Кто-то оставил следы. Кто-то дал им это дело.

И кто-то из этих троих — или все три в одном — ждал, что они доедут до первой точки, прочтут то, что там лежало, и поедут дальше.

Ла'эрг открыл глаза.

На улице скрипнуло дерево. Ветер, север, первая точка.

Он встал, выключил настенный светильник и пошёл наверх, в темноте, не включая ничего, ориентируясь по ступеням, которые знал наизусть. Двенадцатая скрипит. Четырнадцатая - нет, хотя кажется, что должна.

За спиной у стола Аррах сидел неподвижно и смотрел точно на север.

Ла'эрг этого не видел.

Глава 4. Что не входит в классификатор

Рассвет просочился в окно раньше, чем Ла'эрг успел решить, что делать со временем до него.

Он сидел за столом с половины четвёртого или с четверти четвёртого, он не проверял, просто когда он открыл глаза лёжа рядом с Тэа'эсс, он некоторое время смотрел на неё спящую, после чего тихо поднялся и вышел из спальни. Приведя себя в порядок, прошёл в рабочий кабинет и снова сел проверять и сверять данные что имелись. Карта лежала там же, где он её оставил. Блокнот был раскрыт на странице с тремя вопросами, которые смотрели на него с листа с тем особым выражением, которое бывает у проблем, когда ответов у тебя нет: без осуждения, без нетерпения, простое ожидание.

Кот пришёл сам, Ла'эрг не слышал, как он спрыгнул с дивана, просто в какой-то момент обнаружил Арраха сидящим на краю карты. Точнее, на точке. Лапа прикрывала деревушку к северо-востоку, название которой он уже дважды прочёл по дороге: Тиора. Небольшой рынок, несколько кварталов, рыбный пруд - всё это значилось в описании; сама деревня значилась на карте точно под рыжей лапой.

— Ты мне мешаешь. сказал Ла'эрг и аккуратно переставил кота на пол.

Аррах молча оглянулся на него, потянулся всем телом, и поставив хвост трубой, ушёл куда-то в сторону кухни. Карта открылась полностью. Ла'эрг посмотрел на все семь точек сразу.

В голове держались три вопроса: кто оставил следы намеренно читаемыми, кто знал координаты и даты заранее, кто дал им это дело. Ночью казалось, что это может быть один и тот же ответ. Сейчас, при сером предрассветном свете, казалось то же самое, только неприятнее.

Он взял карандаш и провёл по маршруту пальцем, не прикасаясь к бумаге. Первая точка - Марот, уже посещена. Вторая - Тиора, северо-восток, день-полтора езды. Третья - Эш, рядом, можно закрыть оба за один выезд, если не тратить времени. Четвёртая, пятая, шестая, седьмая - сильно дальше в стороне от прочих, получался своеобразный рисунок. Симметрия, которую он видел, но не мог назвать: как слово на языке, которого не знаешь, форму чувствуешь, смысл нет.

Он написал в блокнот: "Маршрут? Или фигура?" Подчеркнул вопросительный знак после слова - "маршрут".

На кухне засвистел и тут же замолчал чайник. Ла'эрг поднял голову.

Тэа'эсс появилась в дверях через минуту, в серебристом домашнем платье, волосы в лёгком беспорядке после сна, он любит видеть её такой, когда лицо спокойное так, как бывает спокойным лицо человека, который решил не обсуждать с любимым человеком, сколько же он спал. Она молча поста-

вила перед ним кружку, и так же молча села слева рядом с ним, положив ему голову на плечо. Посмотрела на карту.

Он взял кружку. Горячая, с чаем, не с кофе, значит она тоже собиралась думать, а не взбадривать организм.

— Вторая и третья в одном направлении. сказала Тэа'эсс. — Если выехать сейчас, дней через пять сможем уже вернутся.

Он не ответил. Не потому что возразил бы, он и сам смотрел на этот маршрут до этого. Просто услышать вслух было хуже, чем знать молча: слова делают вещи конкретными, а конкретность иногда неудобна. Если она говорит это сейчас, значит, тоже сидела где-то у себя или лёжа не засыпая, и прокладывала маршрут в голове, пока он обдумывал его и данные за столом после того как проснулся.

Он отпил чай.

— Семь точек, сказал он наконец. — Ни одного случайного выброса. Все аккуратные и строгие, как будто форма гимназистов на линейке утром в лицее, все читаемые и понятные. У тебя было время подумать - Есть ещё мысли?

— Как маршрут. сказала Тэа'эсс. — Или как карта для того или тех, кто умеет читать подобные карты.

— Маршрут... Но куда и зачем?

Она помолчала. Смотрела на бумагу, не на вторую и не на третью точку, на всю фигуру сразу.

— Не знаю. Но кто-то его прокладывает. И прокладывает аккуратно, ни одного лишнего следа в Мароте, только то

что нужно, чтобы его прочитали и самое главное, чтобы его - Поняли и сделали нужные им выводы.

— А если это не маршрут? сказал Ла'эрг. Не как возражение, как рабочая версия, которую нужно произнести вслух, чтобы посмотреть, как она себя держит и что думает.

— Что если это приглашение тем, кому было оставлено?

Пауза.

— Приглашение... Произнесла тихо Тэа'эсс. Маршрут или приглашение? Что хуже, это могло быть две верные версии. И обе правильные.

Он не ответил. Она не продолжила. Оба смотрели на карту и оба, вероятно, подумали одно и то же: если кто-то оставил это для тех, кто умеет читать, то агентство «Аррах» с адресом на аллее Девяти Цветов было бы первым пунктом в списке кандидатов. Это не польстило ни ему, ни, судя по её лицу, ей.

В окне появился свет, рассвет уже почти прошёл, но его они не заметили за обсуждением, время, когда дерево за углом перестаёт быть просто тёмным пятном и начинает быть деревом. Ла'эрг думал. Тэа'эсс, сидела рядом и её голова на его левом плече, дарили уютный покой. Покой от любимого человека, который одним своим присутствием умеет дарить тепло и уют даже в мелочах.

За спиной Тэа'эсс, на подоконнике у южного окна, появился Аррах. Как он там оказался, Ла'эрг не увидел. Кот сидел вполоборота, хвост обёрнут вокруг лап, и смотрел в

окно. Не на север, туда, где была первая точка, куда он смотрел ночью. На юг.

Ла'эрг бросил взгляд мимо Тэа'эсс.

Юг. Все три ближайшие точки, северо-восток и восток. Маршрут туда. Кот смотрел в противоположную сторону.

Мысль мелькнула: *что там, на юге?*

Ничего. Ахерон, сады за городской чертой, потом дорога на побережье, потом побережье. Ничего, что имело бы отношение к семи аномалиям.

Просто кот.

— Выедем через час-полтора, сказал Ла'эрг и закрыл блокнот.

* * *

Карьер был виден издали: серая рана в теле холма, обнажённые борта уступами, ни единого дерева на склонах — только выбеленная порода, рыжеватая внизу и почти белая у края. Дорога к нему шла через посёлок Ведрин, через три улицы не молчащих чугунных труб и запах угля, который тут, вероятно, считался обычным воздухом. Ворота были заперты на обычный замок, не рунный, не армейский, именно обычный, ржавый, такой вешают, когда хотят показать, что вход закрыт, а не что его действительно защищают.

Смотритель ждал у ворот, как будто знал, что они приедут. Хотя, скорее всего, просто не уходил никуда — в таких

местах, старые люди часто остаются. Немолодой, лет ста сорока на вид, с лицом, состоявшим из привычных морщин и усталых глаз. Он посмотрел на Тэа'эсс, потом на Ла'эрга, и ничего не сказал, ждал.

— Агентство «Аррах». сказал Ла'эрг.

— Нас интересует карьер. Что здесь произошло неделю с лишним назад.

Смотритель пожал плечами.

— Порода кончилась. Истощение.

— За один день?

— За один.

Глаза при этом ушли не вниз, не в сторону Ла'эрга, а именно туда, за ворота, к дальнему краю карьера. Долгий взгляд, почти неуловимый, человек, привыкший что-то не говорить, сказал это молчанием достаточно ясно.

— Мы пройдём вниз, сказал Ла'эрг. — Оставайтесь здесь.

Смотритель снова пожал плечами и отпер ворота, не возражая.

Спуск занял минут десять. Уступы были выбиты в породе правильно, лестницы железные, с перилами, всё по технике: кто-то строил это надолго, уверенный, что добыча будет долгой. На дне пахло пылью и чем-то холодным, чем пахнут глубокие места, куда солнце добирается не в полную силу.

Ла'эрг увидел пятно сразу, с последней ступеньки лестницы.

Оно занимало четверть дна, неправильный овал, метров

двадцать поперёк. Не тёмное, не мокрое - белёсое. Порода там выглядела так, будто из неё вытянули что-то внутреннее: не сам камень, а что-то, что держало его вместе. Матовая, пористая на вид, без теней, как будто свет там падал иначе или поверхность перестала его отражать как полагается.

Инструменты лежали по краю пятна. Ла'эрг шёл и считал. Восемнадцать комплектов - кирки, лопаты, ломы, у некоторых рядом с инструментом лежали рукавицы, сложенные аккуратно. Не брошенные. Именно положенные. Разница была очевидна: в панике так не кладут, в панике роняют. Эти люди остановились, опустили инструменты на землю и ушли, спокойно, по всей видимости молча, не оглядываясь.

Куда ушли, он знал: в посёлок, к своим домам. Никто не пропал, в записях Храма по Ведрину не было ни одного исчезновения. Просто восемнадцать горняков в один день прекратили работу и больше не вернулись. Истощение породы, официально.

Тэа'эсс опустилась на колено у самого края, туда, где белёсая поверхность граничила с обычной породой. Граница была чёткая, без постепенного перехода, как рубец. Она не касалась поверхности, только смотрела — и глаза её были чуть другими, спектральный режим, почти незаметный со стороны.

Ла'эрг стоял за её спиной. Ждал.

Молчание длилось долго. Дольше, чем в Мароте.

— Та же, сказала Тэа'эсс наконец. — Тот же шов. Та же

рука.

— Но?

— Здесь глубже. Она не изменила позы, только голос был другим — ровным, но с чем-то под ровностью, с тем, что она ещё не решила, как называть. — В Мароте смотрели. Открыли, посмотрели, закрыли. Здесь брали.

— Что брали?

Она помолчала ещё.

— Из породы. Или из того, что было под ней. Короткая пауза.

— Под Маротом не было ничего, кроме земли. Здесь было что-то в камне — что-то, что они сочли нужным взять.

— Залежи? Руда?

— Нет. Тэа'эсс поднялась.

— Если бы это была руда, горняки бы знали и не прекратили работу. Это было что-то, чего они не знали, но почувствовали. Поэтому и ушли.

Она смотрела на пятно, и Ла'эрг смотрел вместе с ней. Белёсая поверхность не давала ни звука, ни запаха. Просто мёртвый камень, камень, из которого или из под которого, забрали что-то, о существовании чего не было ни одной строчки ни в одном классификаторе, ни в полученных ими ранее записях Храма.

Он обошёл пятно по краю не заходя на белёсую поверхность, не из суеверия, из разумной осторожности. В Мароте, Тэа'эсс заходила в центр без последствий, но Марот и Вед-

рин уже были разными. Здесь брали, а не смотрели.

На северном краю пятна он остановился.

Следы шли от центра. Не ноги, что-то тяжёлое тащили по породе, царапины широкие, неравномерные, как будто волоком и неровно. Он присел, посмотрел на линии. Порода под следами была чуть светлее, чем вокруг, тоже затронута, но по-другому, не выбелена, только слегка обесцвечена.

Следы вели к северному борту карьера.

Он прошёл по ним до конца. Борт там был монолитный, без трещин, без уступа, без прохода. Порода — один массив, ни рунного следа, ни механического пролома, ни даже выветривания, которое можно было бы принять за старый лаз. Стена как стена.

Следы обрывались у неё.

Ла'эрг стоял и смотрел на камень. Потом развернулся и посмотрел назад, на линии царапин, которые шли из центра пятна прямо к нему. Прямо, без изгибов, как будто знали, куда идут.

Ничто не могло уйти через монолитную стену.

Но следы были.

Он не стал говорить этого вслух. Тэа'эсс сама подошла и встала рядом, посмотрела на стену, на следы, снова на стену.

— Вижу. сказала она. Просто.

За спиной, наверху, что-то хрустнуло.

Ла'эрг поднял голову.

Смотритель стоял на краю карьера, на верхнем уступе,

там, где Ла'эрг оставил его у ворот. Он не держался за поручень. Он не смотрел на них. Он смотрел вниз, на белёсое пятно в центре дна и лицо его было спокойным, с тем же выражением, которое Ла'эрг уже видел однажды, сутки назад, в деревне Марот: не страх, не любопытство — тяга. Как у людей, которых что-то зовёт, и они идут, потому что не слышат самого зова, только то, что хотят подойти к странному месту.

— Эй! окликнул его Ла'эрг.

Смотритель вздрогнул. Не резко, как человек которого будят ото сна, когда он не думал что спит. Посмотрел вниз на Ла'эрга, мигнул. Потом развернулся и пошёл прочь от края, не оглядываясь, быстро, как уходят от чего-то, о чём решили не думать.

Ла'эрг проводил его взглядом.

Те же глаза, что в Мароте. Та же тяга.

Он посмотрел на следы у северного борта. Потом на белёсое пятно. Потом на Тэа'эсс.

— Третья точка. сказал он. — Насколько далеко от этой?

— Часов пятнадцать-двадцать на восток, сказала она. — Если дорога более или менее нормальная в это время года.

Он кивнул и пошёл к лестнице, не оглядываясь на пятно. Тэа'эсс шла рядом.

На полпути он остановился и посмотрел ещё раз на инструменты, на восемнадцать комплектов, аккуратно положенных рядом с тем местом, где их владельцы в один день решили прекратить работу.

Они не убегали. Они именно уходили. Это была разница, и разница была важной.

* * *

Дорога кончилась за полтора километра до кордона.

Не кончилась, сошла на нет, как сходят на нет вещи, за которыми давно никто не следил: сначала стала уже, потом хуже, потом превратилась в две колеи в траве, потом трава закрыла и колеи, и впереди был только лес. Ла'эрг остановил паровой экипаж у сломанного верстового столба, заглушил котёл и несколько секунд сидел, слушая, как тихо становится после того, как машина умолкает.

Тихо было правильно. Лес - он тихий.

Они шли пешком. Тэа'эсс шла чуть впереди, она лучше видела в сумерках под кронами, хотя до вечера было ещё далеко, просто деревья здесь стояли плотно, кедры и лиственница вперемешку с редкими высокими елями, свет просачивался сквозь них скупо, рваными полосами. Под ногами была мягкая земля, прелая хвоя, ни одной ветки не хрустнуло, пока они шли, снег даже под деревьями скопился в достаточном количестве.

Ла'эрг засёк время, когда они вошли в периметр кордона.

Через минуту он остановился.

Птицы были. Он видел одну на ветке справа, обычная лесная пеструшка, сидела, не двигалась. Видел двух дальше, на

поваленном стволе. Слышал краем уха ещё одну, где-то за кордонной избой. Птицы были.

Они не пели.

Не то чтобы замолкли при людях, он знал этот звук, знал, как лес держит паузу, пока оценивает чужих. Это было другое. Птицы сидели так, как будто петь им просто не приходило в голову. Как будто это желание и умение, из них вышло и исчезло.

Тэа'эсс не остановилась, но он заметил, что она чуть замедлила шаг.

— Слышишь? сказал он.

— Да. Больше ничего. Они пошли дальше.

Кордон был сезонный, и это чувствовалось: небольшая изба, поленница под навесом, коновязь без лошадей, маленький огород, всё законсервированное, затянутое дощатыми массивными щитами крест накрест. Порядок. Объездчики умели уходить аккуратно. Ла'эрг проверил замок на двери, цел, не вскрыт, паутина между петлями старая, недельная как минимум.

Никого. Никого не было здесь и до аномалии, и после.

Это было первое отличие.

Поляна перед избой открывалась метров на тридцать-тридцать пять, расчищенная когда-то под огород и под место для разворота, теперь просто луговина. Ла'эрг вышел на неё и сразу увидел круг.

Он не мог не увидеть.

Трава снаружи была обычной, февральской, тронутая желтизной, примятая снегом, высотой по щиколотку. Трава внутри круга стояла ему по колено. Тёмная, не просто зелёная, а насыщенная до черноты у самых корней, как будто её кто-то покрасил снизу вверх, и краска не добралась до верхушек. Круг был ровный, диаметром примерно двадцать один метр, без рваных краёв, без переходной зоны, граница резкая, как прочерченная по линейке.

Ла'эрг присел у края. Взялся за ближайший стебель.

Стебель был холодный.

Не как трава в тени, не как после ночного заморозка, холодный внутри, плотный, как будто по сосудам шла не вода, а что-то, у чего не было температуры. Он отпустил стебель. Посмотрел на пальцы - ничего, кожа как кожа.

Тэа'эсс стояла у края, смотрела в круг. Потом шагнула внутрь.

Ла'эрг остался снаружи. Смотрел.

Она шла медленно, к центру — не потому что осторожничала, а потому что, кажется, прислушивалась к чему-то, что происходило под ногами или над головой или нигде. Остановилась в центре. Стояла неподвижно, долго, дольше, чем нужно для простого сканирования.

Голова начала поворачиваться. Медленно. Не осматриваясь, именно слушая, как слушают что-то низкочастотное, что слышат не ухом.

Ла'эрг ждал. Считал дыхания, не потому что беспокоился,

просто привычка держать счёт.

На двенадцатом она вышла из круга.

Встала рядом. Смотрела на траву, не на него.

— Та же сигнатура, сказала она наконец.

— Но?

— Здесь они не брали. Не смотрели.

Пауза.

— Здесь они оставили что-то.

— Что?

Тэа'эсс подумала секунду. Или подбирала слово.

— Присутствие. Очень слабое. Она слегка качнула головой. — Как след от пальца на стекле. Уже почти сошло, но если знаешь, что искать, видно.

Ла'эрг посмотрел на круг. На траву, которая была неправильного цвета у корней. На ровную границу, которую не проведёшь случайно.

Три точки. Три разных действия. В первой, взяли что-то или посмотрели на что-то изнутри. Во второй, вытащили что-то наружу, волоком, к стене, которой там быть не должно было. В третьей, оставили след. Присутствие.

Не случайные выбросы.

Он обошёл круг по периметру, держась в полушаге от границы. На западной стороне ничего. На южной, ничего. На восточной, сломанная ветка у ближайшей ели, слишком низко, чтобы обломиться само, слишком небрежно, чтобы быть намеренным знаком. Он отметил и пошёл дальше.

Северная сторона.

Он почти прошёл мимо. Земля была ровная, трава ровная, ничего. Но что-то остановило его, не взгляд, скорее периферия взгляда, ощущение, что поверхность здесь чуть другая. Он присел.

В земле, почти на уровне корней, едва выступая над поверхностью - диск. Металлический, размером с монету, матовый. Никакой маркировки. Никаких рун. Ла'эрг вынул нож, поддел край, вытащил аккуратно.

Положил на ладонь.

Тёплый. Земля вокруг была холодная, он только что сидел на корточках, чувствовал холод от снега сквозь утеплённый материал штанов, а диск был тёплый. Не горячий, не обжигающий. Просто тёплый, ровно и спокойно, как будто держа чью-то температуру.

Ничего не произошло. Не засветился, не завибрировал, не потянул руку никуда. Просто лежал на ладони и был тёплым.

Ла'эрг рассмотрел его со всех сторон. Потом перевернул. Обратная сторона такая же - матовая, гладкая, без единой царапины.

— Ла'эрг.

Тэа'эсс подошла. Посмотрела на диск, не прикасаясь.

— Это не случайно лежало, сказала она.

— Понимаю.

Он убрал диск в карман. Тэа'эсс ещё секунду смотрела на то место в земле, где диск лежал, небольшое углубление, чи-

стое, без корней, будто специально расчищенное. Потом поднял взгляд.

Они пошли к лесу, к дороге, к коляске.

У края поляны Ла'эрг оглянулся.

Трава в круге качнулась. Один раз - медленно, с усилием, как качается что-то тяжёлое, а не лёгкие стебли на ветру. Ветра не было. Ла'эрг чувствовал это кожей — воздух стоял неподвижно, и запах стоял неподвижно, и листья на ближайшей лиственнице не двигались.

Только трава в круге.

Один раз. И замерла.

Ла'эрг повернулся и пошёл в лес. Птицы по-прежнему молчали.

* * *

Тракт шёл через перелесок, потом нырял под насыпь, потом снова выходил в открытое поле. Ла'эрг видел это боковым зрением, за стеклом мелькало, темнело, мелькало снова. Фонарь над дверцей покачивался в такт рытвинам и давал мало света: золотистый пятачок на потолке обивки и рассеянная желтизна на коленях.

Держа левую руку на руле, правой он раскрыл блокнот.

Перо шло коротко, почти без нажима, он привык писать в движении ещё в корпусе, когда записи делались в седле или в кузове грузового парохода. Три точки. Он поставил их

вертикально и подписал каждую.

Марот. Взяли - или смотрели изнутри.

Вторая. Тащили наружу. К стене, которой там не было.

Третья. Пришли, постояли, ушли. Оставили метку.

Последнее слово он подчеркнул.

Если это маршрут — кто-то двигается по нему последовательно, с целью, и они уже на третьей точке из семи. Четыре точки позади, или четыре впереди, или — он посмотрел на схему на соседней странице — чего-то он ещё не увидел в этой фигуре. Если приглашение — то оно строится постепенно, слой за слоем, и первых трёх слоёв уже достаточно, чтобы понять: это не случайные выбросы.

Он никогда в это и не верил. Но теперь у него было три точки подтверждения вместо двух.

Тэа'эсс не спала. Она сидела справа чуть позади на пассажирском диване, откинувшись на спинку, левая рука на мягком подлокотнике отбивала лёгкий ритм, взгляд в окно. Ла'эрг знал это без взгляда, она не издавала никакого звука во сне. Бодрствование у неё выглядело точно так же. Разница была в плечах: сейчас они были чуть выше, чем должны быть у того, кто отдыхает.

— Аналитическая записка Храма, сказала она. — Координаты были точными. Даты — точными. За две недели.

— Я помню.

— Кто-то в Храме либо знал заранее.

Пауза.

— Либо сам организовал происходящее.

Ла'эрг положил перо на торпеду в ячейку держателя . Поднял взгляд на потолок экипажа, на тот самый пятачок жёлтого света.

— Или получил инструкции от того, кто всё это организовал и приказывал.

Тэа'эсс ничего не сказала. Он не ожидал ответа, она обдумывала. Потом услышал, как она чуть медленнее выдохнула.

Это было хуже. Оба это знали. Если кто-то внутри Храма сам создал события, это заговор конечного числа людей, которых можно найти, если правильно искать. Если же кто-то принял инструкции, то инструктор снаружи, и масштаб неизвестен.

За окном прошла деревня. Один фонарь у въезда, потом тьма, потом снова тракт.

— Мне нужно обратиться к старым контактам, сказал Ла'эрг.

— Корпус Теней. Сослуживцы, кто ещё находится на службе. Из тех, кому я в своё время помог, и кто обещал помочь чем они смогут сами, в ответ на его запрос.

— Много таких?

— Достаточно, чтобы выбрать тех, кто не бросит трубку сразу.

Он начал перебирать в голове имена, не спеша, как перебирают колоду перед раздачей. Кто в строю, кто вышел, кто выжил за эти тридцать пять лет. Список был короче, чем хо-

телось бы. Корпус Теней не был местом, где все могли умереть от старости.

— Дварфы, добавил он. — У них рунные архивы. Сигнатура с места первой точки, если она где-то каталогизирована под другим именем, это там. Либо у них в архивах, либо нигде.

— Дварфы не любят давать доступ к архивам.

— Знаю. Но есть один тип в Подгорном представительстве, который мне должен за три отдельных случая и за одно обстоятельство, о котором мы оба предпочитаем не говорить вслух. Попробую через него.

Тэа'эсс чуть повернула голову. Не к нему, просто угол изменился.

— Я напишу к себе, в Великий Дом. Неофициально.

Ла'эрг посмотрел на неё.

— Дроу тоже что-то видят, сказала она. Не объяснение, констатация.

— И я это знаю.

Он не спросил, откуда. Тэа'эсс не объясняла то, что знала о своих, только сообщала, когда это становилось нужным. За шестьдесят лет он научился принимать это как факт, а не как закрытую дверь. Кроме того, она была права: если дроу видели аномалии и молчали официально, то неофициальный канал был правильным ходом. Официальный запрос ушёл бы в стол.

Он опустил взгляд в блокнот. Написал: *Великий Дом -

неофициально. Что видят Дроу?.*

Потом сунул руку в карман.

Диск лежал там же, где он его убрал, в нагрудном, рядом с зажигалкой и огрызком карандаша. Он достал его и положил на ладонь.

При свете фонаря металл был чуть темнее, чем казался на поляне. Матовый, без бликов, без единой царапины. Тёплый, он почувствовал это сразу, как взял. Земля на месте находки была холодной, даже обжигающе-ледяной, пальцы у него до сих пор не до конца отошли, а диск был тёплый так же ровно и спокойно, как часы назад.

Он рассматривал его, чуть наклонив к свету.

— Дай.

Тэа'эсс протянула руку, не глядя на него. Он положил диск ей на ладонь.

Она взяла его и секунду просто держала, пальцы сомкнуты, глаза закрыты. Потом открыла глаза, посмотрела на диск ещё раз и вернула.

— Та же сигнатура, что на поляне. Голос у неё был ровный, рабочий.

— Это не оружие. Не артефакт с функцией. Это метка.

— Чья?

— Не знаю. Но намеренная. Кто-то хотел, чтобы её нашли.

Ла'эрг убрал диск обратно в карман.

— Значит, нас заметили гораздо раньше, либо целенаправленно вели и ведут. И это, крошки что нам оставили,

которые мы находим.

Тэа'эсс не ответила. Экипаж качнулся на колее, фонарь качнулся вместе с ним, тень от дверной рамы прошла по полу и вернулась на место.

Ла'эрг взял перо и написал в блокноте последнее.

Метка. Намеренная. Нас нашли раньше, чем мы начали.

Он закрыл блокнот. За окном шёл лес, плотный, без просветов, тракт уходил в него как в тоннель. Потом лес кончился, и впереди в низине появились первые огни Ахерона, далёкие, жёлтые, белые, и красноватые отблески в широких окнах, у работающих ночами предприятий, спокойные. Город не знал, что кто-то его уже считал точкой на чужой карте.

* * *

Передатчик стоял на углу стола, армейский ящик тускло-зелёного металла с рунными вставками по бокам, потёртый в двух местах до блеска, где пальцы ложились по привычке. Ла'эрг достал его из нижнего ящика ещё час назад и с тех пор просто сидел напротив.

Аррах устроился на краю стола слева. Сидел прямо, лапы сложены, хвост опущен. Смотрел на передатчик с выражением, которое Ла'эрг про себя обозначил как *знает заранее, чем кончится*.

— Не смотри так, сказал он вслух.

Аррах пошевелился и лёг на живот, вытянув хвост, и всё

так же молча и спокойно, смотря на передатчик.

Ла'эрг потёр висок, взял трубку и начал набирать первый код.

Сарт ответил быстро, почти сразу, как будто ждал вызова. Или как будто увидел, кто вызывает, и хотел закончить разговор прежде, чем он начнётся.

— Полковник. Голос в трубке был чёткий, без помех, хорошие руны на передатчике, дварфийская работа.

— Слышу тебя.

— Сарт. Я по делу. Аномалии в нескольких точках, нестандартная сигнатура, координаты могу передать. Хочу знать, что корпус видит с вашей стороны.

Пауза. Короткая, не раздумье, а остановка перед чем-то уже решённым.

— Ничего не знаю. Ничего не слышал.

— Сарт.

— Не звони больше.

Щелчок. Связь оборвалась.

Ла'эрг опустил трубку и посмотрел на передатчик. Потом на кота.

Сарт никогда не был трусом. За двадцать лет совместной службы, ни разу. Человек, который однажды взял на себя ликвидацию разрыва третьего класса в одиночку, потому что остальные не успевали. Человек, которому Ла'эрг доверял в темноте и за спиной.

Он набрал второй код.

Вейн не отвечал долго. Ла'эрг считал гудки - семь, восемь, одиннадцать. На тринадцатом трубку сняли.

— Ла'эрг. Не вопрос. Аналитик узнал по коду вызова, потому что аналитики всегда узнают.

— Ты про аномалии слышал?

Долгая пауза. Потом, тихо, почти без интонации:

— Ты про аномалии? Брось это дело.

— Я не спрашиваю, бросать или нет.

— Серьёзно, Ла'эрг. Вейн не повысил голос. Это было хуже, чем если бы повысил.

— Несколько человек начали копать. Не глубоко, просто задавали вопросы. Неделю назад все получили предписания о переводе. Одновременно. В один день - в дальние гарнизоны, без объяснения причин.

— Кто отдал предписание?

— Не знаю. Пришло сверху.

— Сверху, это где именно?

Ещё одна пауза. В ней было что-то плотное, почти осязаемое.

— Очень сверху, сказал Вейн.

— Выше корпуса. Выше военного командования. Я не знаю точно, и я не хочу знать точно, понимаешь?

Ла'эрг понимал.

— Ты в порядке?

— Пока да. Потому что я ничего не знаю и ничего не спрашивал.

— Ясно.

— Ла'эрг. Голос Вейна на секунду изменился, не стал мягче, но стал другим.

— Ты уже не в корпусе. У тебя нет структуры за спиной.

— Я в курсе.

Он положил трубку.

Аррах по-прежнему смотрел на передатчик, теперь с видом, который Ла'эрг решил не интерпретировать.

Он открыл блокнот. Написал: *Перевод в дальние гарнизоны - всех, кто начал задавать вопросы. Одновременно. Приказ пришёл выше военного командования.* Подчеркнул последнее. Посмотрел на подчёркнутое.

Потом перевернул страницу и набрал третий код.

Горн отозвался после четвёртого гудка, неторопливо, как человек, который не видит причин торопиться, потому что вся его работа измеряется веками, а не часами.

— А, Ла'эрг. Давно не слышал тебя.

— Горн. У меня есть сигнатура, которую я не могу классифицировать. Хочу знать, есть ли она в архиве.

Небольшая пауза, дварф, видимо, поудобнее устраивался в кресле.

— Описывай.

Ла'эрг описал, коротко, по существу: характер следа на месте аномалии, ощущение аккуратного шва вместо разрыва, отсутствие совпадений с реестром Храма, тёплый матовый диск как возможный артефакт-маркер.

Горн слушал молча. Когда Ла'эрг закончил, помолчал ещё немного, долго, дольше, чем требовалось для обдумывания.

— Видел один раз, сказал он наконец. Голос был медленный, взвешенный, каждое слово ложилось отдельно.

— В архиве. Запись датирована 847 годом от Эпохи Туманов.

Ла'эрг взял перо.

— Что в записи?

— Одно слово: *неклассифицируемо*. Больше ничего. Ни контекста, ни локации, ни имени составителя. Просто, вот сигнатура, вот пометка.

— Где эта запись?

Горн снова помолчал, и в этой паузе было что-то, что Ла'эрг не сразу опознал. Потом опознал: нежелание говорить вслух то, что уже сказано про себя.

— Была, произнёс дварф.

— Три месяца назад её изъяли. Из всех архивных источников, до которых я имею доступ. Официальный приказ. И предписание Имперского Храма.

Ла'эрг перестал писать.

— Всех?

— Всех, до которых я добрался. Я не проверял военные. Но я думаю, и там тоже.

— Три месяца назад.

— Три месяца назад, подтвердил Горн. Потом добавил, тихо, почти между делом - Ла'эрг. Будь осторожен.

— Всегда.

— Нет, сказал дварф.

— Не всегда. Ты осторожен тогда, когда считаешь нужным. Я говорю: сейчас - нужно.

Ла'эрг не нашёл что ответить. Горн отключился первым.

Он положил трубку и несколько секунд смотрел на стену над передатчиком, туда, где в штукатурке шла едва заметная трещина, которую он собирался заделать ещё в прошлом году.

Аррах смотрел на него. Не на передатчик. На него.

Ла'эрг не стал делать из этого ничего. Кот смотрит на хозяина, это в пределах нормального поведения кота. Он опустил взгляд в блокнот и начал писать.

Сигнатура существует минимум с 847 года. Запись изъята из всех доступных архивов - официальный приказ, предписание Имперского Храма. Три месяца назад. До первой аномалии.

Он остановился. Посмотрел на написанное.

Кто-то готовился.

Перо задержалось над строкой. Он думал о предписаниях, которые пришли в один день. О Сарте, который никогда не был трусом. О записи 847 года с одним словом вместо отчёта.

Потом написал под чертой - одно слово и обвёл его, без точки:

Зачем?

Не вопрос. Скорее - координата на карте, где пока ещё нет ни дороги, ни названия.

Он закрыл блокнот.

За окном кабинета Ахерон спал, или делал вид, что спит.

Аррах уже сидел на краю стола и смотрел туда, куда смотрел весь вечер: прямо и чуть вверх, как будто что-то висело в воздухе между столом и потолком, невидимое и неслышимое, существующее по правилам, которые в блокнот не вписывались.

* * *

Тэа'эсс вышла из комнаты напротив без предупреждения, просто появилась в дверях кабинета с листом бумаги в руке. Бумага была тонкая, почти прозрачная, как слюда: дроу умеют делать такую из растений, которые в Ахероне да и нигде более не растут. В свете ламп сквозь неё просвечивались рунные знаки - тёмные, мелкие, похожие на насекомых, которые замёрзли на лету.

Ла'эрг сидел за столом с блокнотом и смотрел на неё.

Она читала стоя, у дверного проёма, не входя полностью в кабинет. Потом прошла, села напротив него и положила лист на стол между ними, лицом вверх, так, что руны смотрели в потолок. Ла'эрг не мог их читать. Язык дроу он знал достаточно, чтобы не оскорбить никого из дроу и не оскорбиться самому, но письменные руны Великих Домов оставались за-

крытой книгой в самом буквальном смысле для всех посторонних и почти для всех из нижестоящих по рангу дроу.

Он ждал.

— Великий Дом зафиксировал аномалии на наших территориях, сказала Тэа'эсс. Голос ровный, рабочий, не тот голос, которым она разговаривает за ужином.

— Четыре случая за два месяца. Официальной позиции нет. Публично - тишина.

— А неофициально?

Она посмотрела на лист, хотя, по всей видимости, уже знала его наизусть.

— Одна фраза. Тэа'эсс произнесла её медленно, как переводят то, что не хочется переводить дословно, но иначе нельзя: — «Мы не знаем, что это. Мы знаем, что это не первый раз».

За окном Ахерон дышал ровно и глухо. Где-то далеко прогрохотал ночной паровой конвой, три удара в такт, потом тишина.

— Когда был первый раз? спросил Ла'эрг.

— Они не написали.

— Но написали что-нибудь ещё?

Тэа'эсс чуть помолчала.

— Одно слово. Как уточнение. Она не торопилась.

— В нашем языке есть слова, которые обозначают не просто давность, а качество давности. Это слово значит примерно… — Когда что-то настолько старое, что живые его не

помнят и не должны помнить. Используется для вещей старше Имперских Храмов. Иногда, старше первых записей вообще.

Ла'эрг слушал.

— Они использовали именно его.

Он встал. Не резко, просто встал, потому что сидеть уже не получалось. Подошёл к карте, прикреплённой к стене рядом с окном: семь отмеченных точек, семь красных меток, которые лежали на ней как случайные, но расходились в пространстве с той внутренней аккуратностью, которую Ла'эрг за эти годы работы научился узнавать и понимать. Случайное так не выглядит. Случайное кривое и не симметричное. Это было - другим. Асимметрия в Симметрии и Симметрия в Асимметрии... Это определение было ближе чем другие. Но всё равно - не то.

— Архивная запись, которую изъяли, датирована 847 годом, сказал он. Не Тэа'эсс, скорее себе, но вслух, потому что вслух думается иначе.

— Дроу говорят: старше Имперских Храмов. Храмы основаны в 619-м. Значит, это происходило до того, как люди вообще узнали, что Запределье существует.

— Да.

Одно слово, без интонации. Она уже это знала, или додумала раньше него. Вероятно, раньше.

— И кто-то в Храме изъял запись три месяца назад, продолжил Ла'эрг.

— Зная, что аномалии начнутся или будут снова.

Тэа'эсс ничего не добавила. Добавлять было нечего.

Комната была тихой. Камин догорал, угли лежали красными пятнами под серым пеплом, почти не давая огня, только жар. Аррах сидел у камина на своём обычном месте, и Ла'эрг краем зрения видел, что кот поднял голову.

Не на него.

Не на Тэа'эсс.

На карту.

Точнее, на что-то в карте, что Ла'эрг не мог видеть с такого угла. Кот смотрел туда, где семь точек сходились к общему центру, к пустому пространству между ними, к месту, которое Ла'эрг ещё не назвал, потому что оно пока не имело имени.

Тэа'эсс тоже посмотрела на кота. Пару секунд, не больше. Потом отвела взгляд обратно к столу, к листу с рунами.

Ла'эрг не стал делать из этого ничего.

— Это не культ, сказал он.

Произносить это вслух было неприятно, не потому что страшно, а потому что с культом понятно, что делать. Культы имеют структуру. Имеют иерархию. Имеют людей, у которых есть имена и адреса. Корпус Теней за время своего существования институциональной работы научился разбирать культы как механизмы — методично, без спешки, деталь за деталью.

То, что лежало на карте, не было механизмом.

— Культы не работают в таком масштабе, продолжил он.

— И не существуют тысячи лет без единого следа, без одного имени в архивах. Одна запись 847 года - и то изъяли. Это что-то другое.

Тэа'эсс сложила руки на столе. Посмотрела на него, долго, без спешки, как смотрит тот, у кого достаточно жизни за плечами, чтобы не торопиться с формулировками.

— Или кто-то другой, сказала она.

Ла'эрг не ответил.

Он посмотрел на металлический диск, лежавший рядом с картой, небольшой, снятый с места аномалии. Не артефакт, не ритуальный предмет, просто кусок металла, который там лежал. Или не просто.

Он не думал, когда прикоснулся. Пальцы легли на металл сами, проверяя.

Диск был тёплый.

Не от камина. Камин был за спиной. Не от его руки, он только что коснулся.

Просто тёплый.

Ла'эрг убрал руку. Посмотрел на пальцы, ничего, обычные пальцы немолодого человека. Посмотрел на диск. Металл лежал как лежал.

Он не стал говорить об этом вслух.

— Завтра едем к другой точке, сказал он.

* * *

Тэа'эсс ушла наверх около полуночи без слов, просто встала, взяла лист с рунами и унесла с собой. Ла'эрг не спросил. Они давно не нуждались в объяснениях.

Кабинет остался за ним.

Он сидел за столом ещё четверть часа, не прикасаясь к перу, просто смотрел на карту с точками и думал о том, что ни одна из известных ему структур не работает в таком масштабе. Потом взял бумагу.

Письмо было бумажным, не по сентиментальности, а по соображениям здравого смысла: рунные каналы Храма фиксировали всё. Бумага не фиксировала ничего, если знать, через кого её отправлять. Ла'эрг знал.

Адресата звали Тиль, или называли так последние девятнадцать лет, после того как он перебрался в Ахерон и перестал быть делопроизводителем Третьего архива при Имперском Храме. Теперь он держал мастерскую по починке паровых механизмов в двух кварталах от рынка, жил тихо и, по всей видимости, рассчитывал прожить ещё несколько десятилетий именно так. Ла'эрг не виделся с ним семь лет. Не было нужды.

Нужда появилась сегодня.

Шифр был старый, армейский, двухслойный, с личным ключом, который они с Тилем согласовали ещё тогда, в конце его службы, на всякий случай. Ла'эрг начал писать.

Письмо было коротким. Три вопроса.

Первый: - что изъяли из архивов три месяца назад и под каким основанием.

Второй: - чья подпись стоит на запросе об изъятии.

Третий, самый тихий из трёх, тот, который Ла'эрг формулировал осторожно, взвешивая каждое слово: - есть ли в Храме люди, которые знали точные координаты семи аномалий до их возникновения.

Он дошёл до середины третьего вопроса, когда на бумагу легла кошачья лапа.

Аррах запрыгнул беззвучно, как всегда, без предупреждения, без промежуточного приземления на край стола. Просто оказался на письме всем весом, хвост поверх карты. Ла'эрг убрал его под мышку, не прерывая мысли, и переложил на соседнее кресло. Аррах немедленно вернулся.

— Уже, сказал Ла'эрг вполголоса.

Кот сел. Не на письмо на этот раз рядом, ровно у правого края листа, и посмотрел не на него.

На дверь.

Дверь кабинета была закрыта. За ней коридор, три метра до лестницы, ещё шесть вниз, прихожая, входная дверь с двойным замком и дополнительной засечкой, которую Ла'эрг поставил три года назад после одного неприятного дела с реликвиями. За входной дверью аллея Девяти Цветов, сонная в этот час, с газовыми и рунными фонарями и наметённым на брусчатку снегом.

Ла'эрг слушал.

Тишина. Обычная ночная тишина: дом держал тепло, стекло в окне слабо гудело от ветра, где-то за двором дальний гудок ночного поезда. Ничего лишнего.

Аррах не двигался.

Ла'эрг подождал ещё секунду, потом опустил взгляд обратно к письму и дописал третий вопрос.

Запечатывал он сам, воском, без печати: печать оставляла след, воск без неё не оставлял ничего, кроме факта существования письма. Конверт убрал в секретный паз стола, под ящик где лежали старые папки с незакрытыми делами восьмилетней давности. Утром через посредника, через другой канал.

Блокнот лежал открытым с вечера.

Ла'эрг взял перо и записал последнее на сегодня, не анализ, просто перечень. Так было надёжнее: перечень не врал и не додумывал.

«Три точки. Три действия: смотрели, брали, оставили».

Пауза.

«Метка в кармане. Архив изъят. Дроу молчат официально. Корпус Теней молчит судя по всему либо из страха, либо по приказу кого-то стоящего или стоящих выше военного командования. Масштаб шире любого известного культа, и старше Имперских Храмов».

Он написал «Классификатор не работает» и остановился на этом дольше, чем следовало.

За четверть века службы и ещё тридцать семь лет рабо-

ты агентства, он видел вещи, которые не попадали в первую версию классификатора, вторую, третью. Видел, как Храм переписывал категории после каждого события, которое не вписывалось в предыдущие. Классификатор был не инструментом познания, он был протоколом отрицания: называешь вещь, и она становится управляемой. Пока вещь без названия, она просто есть, и с ней непонятно что делать.

Семь точек на карте были без названия.

Он написал ниже: «Значит, нужен другой классификатор».

Положил перо. Закрыл блокнот.

Аррах всё ещё сидел на столе, переместился к краю за время записи, но не ушёл. Ла'эрг потянулся и почесал его за ухом: кот позволил, не мурлыкнув, только моргнул медленно. Потом отвернулся.

— Ладно, сказал Ла'эрг ни к кому.

Он погасил лампу.

Темнота пришла сразу, без промежутка, плотная, как бывает только ночью в закрытом помещении. Под дверью светлела тонкая полоска: Тэа'эсс, вероятно, оставила свет на лестнице. Оставляла всегда, если он ещё не поднимался.

Ла'эрг встал, обошёл стол и вышел в коридор, не оглядываясь.

Кабинет остался позади: стол с картой, запертый ящик, блокнот с последней записью. И Аррах на столе, неподвижный, в темноте, где нельзя было уже разобрать ни силуэта,

ни позы.

Только два огня.

Два отражённых огонька, там, где должны были быть глаза, смотрели ровно туда, куда смотрели уже периодически весь день. Не на дверь. Не на карту. На что-то в северной стороне, за стеной, за улицей, за кварталами спящего Ахерона, туда, где на расстоянии нескольких дней пути лежала точка, и другая, и что-то ещё, у чего пока не было имени.

Ла'эрг этого не видел.

Он уже шёл наверх.

Глава 5. Ритуал. Получение инструкций.

Полночь в Храме звучала иначе, чем полночь снаружи.

Снаружи это было просто отсутствие дня, город засыпал, стихали экипажи, гасли огни в окнах, ночная смена охраны делала первый обход. Полночь снаружи была просто временем суток. Здесь, в нижнем ярусе, она была чем-то более точным: перекрёстком, где утро ещё не началось, а вечер уже отступил достаточно далеко, чтобы не мешать. Щель между вещами.

Кардинал ценил точность.

Маршрут вниз занимал девять минут при неспешном шаге, он проверял это многократно. Через западное крыло, мимо архивных залов третьего уровня, поворот у колонны с выщербленным основанием, потом узкая лестница, которую не отмечали ни на одном плане Храма, потому что она вела в технические подвалы, а технические подвалы не представляли интереса ни для кого, кроме людей, которые меняли масло в механизмах и прочищали водостоки. Два поста охраны на пути перекрыты заранее — не отведены и не подкуплены, просто переставлены по законному распоряжению в другие точки. Третий пост отсутствовал уже несколько дней по причине болезни стражников и медлительности кадрового отде-

ла в вопросе замены. Кардинал этой медлительности не препятствовал.

Он шёл без светильника, знал дорогу достаточно, чтобы не смотреть под ноги.

Дверь в подвал не запиралась снаружи: только изнутри, на щеколду. Это тоже было удобно.

Помещение, которое он использовал, официально числилось складом невостребованного инвентаря. Именно так оно и выглядело, если кто-нибудь удосуживался заглянуть: стеллажи вдоль стен, несколько сломанных стульев в углу, ящики с канцелярскими принадлежностями, давно вышедшими из употребления. Пыль, которую никто не тревожил. Запах камня — сырого, древнего, такого, каким пахнут только основания очень старых зданий, где камень успел напитаться всем, что происходило над ним поколение за поколением. И что-то ещё, под запахом камня. Кардинал перестал замечать это второе уже давно: нос привыкает, если достаточно часто возвращаться в одно место.

Он запер дверь изнутри.

В центре помещения стеллажи были отодвинуты на полтора шага, именно настолько, чтобы освободить ровно столько пространства, сколько требовалось. Ни больше. Расточительность в организации пространства была привычкой людей, которые делают вид, что им нечего скрывать. Здесь скрывать было что, но именно поэтому - никакой нарочитости, никакого избытка.

Стол был обычным: низкий, деревянный, с рассохшейся столешницей. Ряд предметов на нём он разложил прежде, чем зажечь светильник, движениями, которые не требовали зрения. Блюдце тёмного стекла. Небольшой нож с деревянной рукоятью, не ритуальный, без гравировок, куплен на рынке много лет назад. Три полоски тонкой кожи, сложенные в определённом порядке, не в символический, а просто в удобный: так они не запутывались и раскладывались без задержки. Небольшой металлический сосуд с крышкой. Кусок мела, которым ничего не рисовали: он нужен был для другого, и только для этого другого.

Последним - масляный светильник.

Кардинал поднёс к нему огонь от огнива, подождал, пока фитиль возьмётся ровно, опустил стекло. Пламя стояло прямо.

Он начал.

Мысли в это время шли своим ходом, отдельно от рук. Руки знали, что делать, он думал о другом. О завтрашнем докладе Его Величеству: там был один момент, который требовал аккуратности. Три недели назад в приграничном округе зафиксировали движение, которого официально не должно было быть, не вражеского, просто нерегламентированного. Кардинал уже подготовил формулировку: «локальная активность атмосферного характера, предположительно связанная с сезонными флуктуациями в приграничных зонах». Формулировка была бессодержательной, но звучала уверен-

но - а Его Величество последние годы предпочитал уверенность содержанию, если содержание было тревожным. Ничего нового: такова была работа.

Полоски кожи легли параллельно. Нож, под определённым углом к блюдцу. Металлический сосуд - левее, точно на расстоянии вытянутого большого пальца.

Он думал о секретаре Ворне, который в последние две недели слишком часто задерживался в архивном зале третьего уровня, где хранились запросы на изъятие документов. Ворне был человеком въедливым и неглупым, из тех, кто замечает несоответствия не потому что ищет, а просто потому что привыкает к порядку вещей и замечает, когда порядок нарушен. Ворне нужно было перевести. Не срочно. Через месяц, после доклада, чтобы не выглядело реакцией.

Кардинал взял мел и поднёс к столешнице.

Несколько линий. Не символы, параметры. Разница для него была принципиальной: символы апеллируют к чему-то вовне, параметры описывают условия. Одно - просьба. Другое - техника.

Он не просил.

Светильник не мигнул.

В подвале постоянно тянул сквозняк, откуда-то из-за стеллажей, вероятно из-за щели в кладке, куда-то вглубь кладки, по неровному пути, которым воздух ходил в этих стенах, вероятно, со времён постройки. Кардинал помнил, как он был здесь впервые, ещё до того, как всё началось,

помнил, как пламя свечи дёргалось от этого сквозняка, и как это его раздражало, потому что он привык к порядку. Потом пламя перестало дёргаться. Он не помнил, когда именно это произошло, просто в какой-то момент заметил, что сквозняк есть, а пламя стоит, и это перестало казаться странным.

Сейчас пламя стояло прямо. Сквозняк был - он чувствовался кожей, холодным движением воздуха у щиколоток. Пламя не реагировало.

Кардинал не обратил на это внимания.

Он выпрямился. Посмотрел на стол, убедился, что всё на месте и в нужном соотношении. Взял блюдце. Поставил его точно в центр меловых линий.

За окончанием приготовлений не стояло торжества. Не стояло ничего, только то ощущение, которое бывает после долго отработанного действия, когда тело знает, что сделало правильно: не удовлетворение, а просто завершённость. Кардинал присел на низкий стул, который держал здесь именно для этого момента, для ожидания.

Подвал был тих.

Сквозняк шёл по полу.

Пламя светильника не двигалось, неподвижно, как нарисованное, как точка в пространстве, которая оставалась на месте, пока всё вокруг неё продолжало существовать в обычном своём беспокойстве.

Кардинал сложил руки на коленях и стал ждать.

* * *

Когда пришло время, Кардинал произнёс фразу вслух.

Три слова на языке, которого не существовало ни в одном лингвистическом реестре Империи. Не потому что язык был древним или тайным, просто слова никогда не были словами в обычном смысле. Они не несли значения. Они описывали положение вещей. Как координата. Как угол наклона ножа к блюдцу.

Эхо осело в кладке быстро.

Подвал не изменился.

Кардинал ждал.

Сквозняк по-прежнему шёл у щиколоток, неровный, прерывистый, с той же незначительной периодичностью, что всегда. Пламя светильника стояло прямо. Тишина была обычной подвальной тишиной: плотной, немного влажной на слух, с едва различимой дрожью перекрытий где-то наверху — здание дышало, как дышат все здания такого возраста, в которых постоянно живут и ходят.

Потом давление изменилось.

Не резко. Не как хлопок двери или перепад высоты. Иначе, как если бы воздух в подвале стал чуть более собой. Как будто его стало ровно на одну единицу больше, не поддающуюся измерению, но определённо ощутимую. Кардинал сглотнул — не от тревоги, просто тело отреагировало раньше, чем разум успел сформулировать. Заложило уши на долю секунды. Прошло.

Потом появился запах.

Он не мог его описать. Не потому что запах был неприятным, он не был неприятным и не был приятным. Он был просто другим. Кардинал в своё время перебрал в голове всё, к чему можно было бы привязать это ощущение: железо после дождя, нет. Озон перед грозой, не то. Воздух на большой высоте, когда его почти не остаётся, ближе, но всё равно мимо. Запах был просто незнакомым на том уровне, где незнакомое уже не поддаётся аналогиям. Как если бы нос столкнулся с чем-то, для чего в памяти не существовало ни одной зацепки.

Кардинал не шевелился.

Через несколько секунд запах изменился, нет, не изменился. Стал заметнее. Стал более собой. Кардинал почувствовал его не только в носоглотке, но как-то шире, в грудной клетке, в затылке, в кончиках пальцев, лежащих на коленях. Как будто что-то начало занимать пространство не в комнате, а в воздухе между вещами.

Он не стал искать это взглядом.

В первый раз, несколько лет назад, он смотрел и не увидел ничего. Просто подвал. Просто стеллажи, стол, пламя, кладка. Присутствие не было видимым. Оно было угловым, всегда чуть в стороне от направления взгляда, всегда там, где зрение заканчивается и начинается периферия. С тех пор он не пытался его увидеть. Это было правильнее, и не потому что опасно смотреть прямо, а просто потому что бессмыс-

ленно. Присутствие не нуждалось в том, чтобы на него смотрели.

Оно обнаружилось.

Именно так - не пришло, не появилось. Оно было здесь. Наверное, оно было здесь всегда, или что-то, подобное ему, было здесь всегда — в этих стенах, в этом воздухе, вдоль этого сквозняка, который ходил через кладку со времён постройки. Просто сейчас оно смотрело. Разница была примерно такой же, как разница между комнатой, в которой стоит человек, глядящий в окно, и той же комнатой, в которой тот же человек повернулся.

Кардинал почувствовал это.

И почувствовал облегчение.

Он дал себе труд признать это давно, не сразу, не в первые месяцы, когда всё ещё можно было объяснить как инструмент, как средство, как рационально выбранный путь к тому, чего он хотел достичь. Потом стало ясно, что это неточно. Что настоящим было именно это - вот этот момент, когда давление воздуха чуть менялось и запах становился другим, и присутствие обнаруживало себя взглядом, который ощущался кожей. Остальное было приложением. Остальное было просто тем, что нужно сделать, чтобы это было возможным.

Это не было страхом. Это никогда не было страхом.

Он думал иногда, что люди, которые боятся подобного, боятся не самого присутствия, они боятся того, что оно с

ними делает. Того, что после контакта сложно вернуться к обычному воздуху, к обычному давлению, к запахам, которые все имеют аналоги и все опознаются мозгом как знакомое. Того, что потом несколько дней мир кажется немного плоским, немного менее настоящим, как будто настоящим был именно этот подвал, а остальное - добросовестно сделанная копия.

Кардинал понимал это. Он просто не считал это причиной для страха.

Светильник погас.

Не мигнул, не затух постепенно, просто закончился. Пламя было, и потом его не стало, без промежутка. Темнота оказалась плотной, не такой, к которой привыкает зрение и начинает различать контуры, а такой, в которой контуров нет. Кардинал не двигался. Он знал, что в темноте лучше сидеть прямо, держать руки на коленях, не искать опору и не проверять пространство вокруг. Не потому что это опасно, просто так правильнее. Так тело не отвлекает от того, ради чего он здесь.

Запах стал сильнее.

Давление, тоже.

Где-то в затылке начало тихо, ровно гудеть, не болью, а просто ощущением присутствия чего-то значительно большего, чем этот подвал, чем это здание, чем этот город с его огнями наверху и его людьми, которые сейчас спали или не спали и не знали, что здесь, в этой темноте, воздух стал

немного другим.

Кардинал сложил руки на коленях.

Смотрел в темноту.

Ждал.

* * *

Оно пришло не снаружи.

Кардинал понял это не сразу, привычка всё ещё искала источник в пространстве, в направлении, в точке, откуда исходит. Но присутствие не исходило из щели. Оно просто было, сразу везде, где было его тело: в затылке, в ладонях, сложенных на коленях, в точке между лопатками, куда никогда не смотришь. Не снаружи внутрь. Просто - внутри, как будто всегда.

Темнота не изменилась. Гудение в затылке стало чуть глубже, чуть ниже, не тон, а скорее регистр. Что-то сдвинулось в воздухе подвала так неуловимо, что Кардинал не мог бы объяснить, чем именно дышит сейчас иначе, чем минуту назад. Просто иначе.

Образ пришёл первым - без предупреждения, без нарастания.

Семь точек.

Не на карте. Кардинал хорошо знал карты, десятки лет постоянной работы с ними, умел читать рельефы и легенды, и масштаб и всё остальное. Это не было картой. Это было

скорее тем, чем карта является для тех, кто её составляет, изнанкой пространства, где не нарисованы реки и границы, но есть то, что реки и границы огибают. Семь точек пульсировали - не светом, не движением, а самой своей природой. Они существовали, и это существование было заметно.

Кардинал смотрел. Не глазами, глаза его были открыты в темноте и ничего не видели. Он смотрел тем, чем научился смотреть за эти годы: чем-то между памятью и вниманием, чем-то, для чего в человеческом языке не было точного слова.

Фаза завершена.

Это не было сказано. Это просто стало понятно, так, как понятно, что вода холодная: не через слова, а через контакт. Семь точек пульсировали с определённой частотой, и частота эта означала завершение так же однозначно, как стрелка на нуле означает пустой резервуар. Можно двигаться дальше.

Кардинал принял это спокойно. Он ждал этого. Семь точек были его работой, его людьми, его ресурсами, его терпением и то, что они завершены, означало, что он сделал то, о чём его попросили. Точнее, то, что от него ожидалось, что он понял правильно. Это было важнее. Никто никогда не просил. Просто становилось понятно, что правильно, и Кардинал делал правильное.

Образ сменился, не уйдя полностью.

Это было сложнее назвать образом. Скорее, присутствие

внутри присутствия. Два отдельных что-то, различимых не формой, а качеством, как различимы два разных источника тепла в тёмной комнате: не видишь, но знаешь, где каждый.

Имена возникли сами. Не голосом, не буквами, просто как факт, существующий до слов.

Ла'эрг.

Тэа'эсс.

Кардинал не удивился. Он уже знал эти имена, не потому что встречал их раньше в документах или донесениях, хотя и встречал. Просто имена были именами теми, которыми они всегда уже были в этом контексте. Двое, которых нужно принять во внимание. Двое, которые движутся, он это чувствовал через два тёплых пятна в изнанке пространства и движение их имеет направление, и направление это небезразлично.

Не угроза. Не досадное препятствие.

Что-то другое.

Он не думал об этом долго. Присутствие уже несло следующее.

Третье, труднее всего. Кардинал за годы практики научился разбирать первые два типа почти автоматически: образ пространства читался как карта, образ существ, как список имён. Но третье всегда давалось иначе. Третье было похоже на попытку описать вкус тому, у кого нет языка: смысл был, контакт был, а слова за ним не успевали.

Вектор.

Направление без координат. Не уничтожить, это было бы просто, это у него было бы слово. Не удержать, тоже понятно. Что-то между и одновременно ни то ни другое. Кардинал перебирал варианты, не медленно, а так, как пальцы перебирают страницы в поисках нужной, и остановился на том, что было ближе всего.

Направить.

Сделать так, чтобы они пришли туда, куда нужно. Не силой, силой не выйдет, он чувствовал и это. Иначе. Умнее. Так, чтобы пришли сами, по собственному решению, и считали это решение своим.

Это была задача. Кардинал принял её так же, как принимал всё остальное, спокойно, с пониманием, что инструментарий у него есть.

И вот здесь, между третьим образом и тем моментом, когда присутствие начало сворачиваться, что-то мелькнуло.

Что-то, связанное с первым именем. С Ла'эргом.

Не его действия. Не его псионический уровень, не его биография в досье. Что-то в том, чем он являлся, не что делал, а что было. Кардинал почувствовал, что присутствие смотрит на двух своих, нет, не пешек, не инструментов, не жертв, двух своих людей иначе. На женщину-дроу как на вещь ценную, но понятную. Понятную в своей ценности. На человека иначе. Дольше. Пристальнее. Как смотрят на что-то, в чём опознают родственное, или опознают вопрос, ответ на который интересен.

Кардинал не задержался.

Это не было его частью задачи. Почему именно так смотрит на одного из двоих, не его дело и не его уровень понимания. Его дело - вектор. Его дело - направить. Всё остальное было выше него, как выше него было бы рассуждать о том, почему у огня такая температура, а не другая. Огонь, горит. Присутствие, смотрит так, как смотрит. Кардинал, делает свою часть работы.

Это он понимал. В этом был порядок.

Присутствие начало сворачиваться.

Не уходить, именно сворачиваться. Как сворачивается лист, когда тепло уходит из воздуха: постепенно, по краям сначала. Гудение в затылке стало тише. Запах остался, но утратил тот верхний слой, острый, почти металлический, который всегда означал прямой контакт. Давление на ладони ослабело так незаметно, что Кардинал осознал это лишь когда оно уже почти исчезло.

Щель закрывалась так же, как открылась.

Без звука. Без ощущения разрыва или шва. Просто в какой-то момент воздух подвала снова был просто воздухом, холодным, с запахом камня и старого железа и этого сквозняка через кладку. Темнота осталась той же, но это была уже обычная темнота, та, к которой привыкает зрение и в которой начинает различать контуры.

Кардинал сидел прямо. Руки на коленях. Дыхание ровное.

Где-то наверху в здании мерно тикало что-то механиче-

ское, часы в коридоре, он знал. Маятник ходил без остановки уже пятьдесят лет. Звук этот всегда казался ему немного плоским после контакта. Слишком предсказуемым. Слишком очевидным в своей механике.

Он дал себе несколько минут просто сидеть в темноте.

Потом нашёл спичку на ощупь, зажёг светильник.

Огонь взялся с первого раза. Пламя было самым обычным, жёлтым, немного дрожащим от сквозняка, отбрасывающим тени в нужных местах. Кардинал смотрел на него секунду, две. Потом посмотрел на свои руки.

Ровные. Без дрожи.

Он знал, что нужно сделать. Он понимал это так же ясно, как понимал язык образов, которому его никто не учил, но который он читал уже много лет, потому что некоторые вещи не требуют обучения, они просто становятся понятны, когда приходит время.

Двое придут сами.

Он только должен позаботиться о том, чтобы дорога выглядела как их собственный выбор.

* * *

Светильник горел.

Кардинал не помнил, когда зажёг его снова. И не был уверен, что гасил. Этот момент провалился куда-то между краем контакта и тем, как Кардинал обнаружил себя сидящим

прямо с руками на коленях и взглядом, направленным в пламя. Пламя было обычным. Он смотрел на него без выражения секунду, другую,— потом перестал.

Неважно.

Он поднялся, разогнул спину, прошёл к столу. Движения были ровными. Тело слушалось нормально, контакт не оставлял следов там, где их легко было бы заметить. Только эта лёгкая остаточная плотность в затылке, как после долгого чтения при плохом свете. Привычно.

Кардинал сел за стол, сложил руки на столешнице и подумал о двух именах, которые стояли в голове с той отчётливостью, с которой стоят вещи, не требующие запоминания.

Ла'эрг. Тэа'эсс.

Он думал о них так же, как думают о переменных в уравнении, которое надо привести к нужному виду: без ненависти, без интереса, без раздражения. Просто, есть такие-то величины с такими-то свойствами, нужно учитывать. Бывший полковник корпуса Теней, дослужился до гвардии, ушёл сам, редкость, это говорит не об усталости, а о том, что человек умеет выбирать момент. Псионик уровня Мастера, хотя в реестре стоит цифра скромнее, значит, либо занижал при аттестациях намеренно, либо прирос после. Это тоже говорит о характере. Дроу из Великого Дома, Мастер третьего уровня, два принудительных визита в Запределье за карьеру, и живая, и в рабочем состоянии. Последнее само по себе требует учёта.

Репутация у них была хорошей. Кардинал не нашёл в этом факте ничего тревожного.

Он видел, как ломались люди с лучшей репутацией, просто потому что репутация строится на задачах, которые они уже решали. А это будет другая задача. Не та, с которой они работали раньше. Вопрос не в том, что они умеют. Вопрос в том, куда им позволят дойти, и как именно они это воспримут, когда окажется, что их уже ведут, а не они идут.

Кардинал позволил этой мысли пройти и не задержал.

Первое.

Корпус Теней молчал достаточно долго, но молчание удерживалось административным давлением, а не добровольным. Это ненадёжный материал, молчание из страха осыпается, когда появляется причина говорить, которую человек считает весомее страха. Ла'эрг мог дать такую причину. У него там оставались люди, он двадцать пять лет прослужил у Провала, связи такого рода не обрываются полностью даже после отставки. Нужно было ускорить переводы, тех, кто ещё мог говорить. Отправить запрос через административный канал сегодня ночью, до утра. Не через военное командование — выше, туда, где уровень подписи делает вопрос закрытым без объяснений.

Второе.

Архив. Три записи, которые Кардинал пока не трогал, они были глубже, плохо индексированы, и он рассчитывал на то, что никто не доберётся до этого уровня раньше, чем понадо-

бится. Расчёт был разумным. Но не безупречным — потому что Ла'эрг написал письмо Тилю, а Тиль знал архив Третьего фонда так, как знают вещи, которые любишь. Это нужно закрыть. Не сегодня, сегодня слишком заметно, промежуток между контактом и резким действием читается. Через два дня. Достаточно быстро, чтобы опередить. Достаточно медленно, чтобы не выглядеть реакцией.

Третье.

Не трогать агентство напрямую. Вообще не трогать, ни через людей, ни через каналы. Пусть идут туда, куда идут. Они сами шли именно туда, куда нужно, с той скоростью, которая устраивала Кардинала. Любое давление изменит траекторию, любая помеха даст им точку, от которой можно оттолкнуться. Нет помехи - нет точки. Пусть движение остаётся их собственным выбором. Так выглядит надёжнее. Так и было, выглядело надёжнее, чем было, если думать об этом честно, но честность здесь была не обязательна.

Кардинал на секунду остановился.

Он думал о том, каково это, получать образы вместо слов. Как Присутствие даёт понять без формулировок, без синтаксиса, без той медленной линейной цепочки, в которой слово следует за словом и смысл собирается, как собирается сооружение из кирпичей. Там всё сразу, как если бы знание не строилось, а вспоминалось. Как если бы оно уже было, просто требовало, чтобы его коснулись.

Когда контакта нет, этого не хватает.

Это Кардинал понял не сегодня. Это он понял давно и с тех пор периодически отмечал про себя этот факт так, как отмечают факты, с которыми уже не спорят, потому что спор закончился. Должно было бы пугать. Раньше - пугало. Теперь просто было частью устройства вещей, и Кардинал не находил смысла тратить на это беспокойство, которого у него и так было ровно столько, сколько было нужно для работы.

Он взял со стола первый предмет, небольшой латунный цилиндр с навинчивающейся крышкой, всегда лежавший у левого края. Убрал в ящик. Потом второй, бумагу с расчётами, написанными его рукой на неделю назад. Сложил вчетверо. Третий, огарок, который он менял редко, потому что огарок был от конкретной свечи и имел смысл только как огарок. Его он переложил в правый угол, к стене.

Методично. Без спешки.

Завтра утром, доклад Императору. Стандартный, плановый, об аномальной активности в нескольких точках на периферии. Формулировки были готовы. Ничего, что привлекало бы внимание, ничего, что требовало бы вопросов. Послезавтра, встреча с людьми из внутренней охраны Храма, те двое из западного крыла, которым Кардинал доверял в той мере, в какой доверял кому-либо вообще, то есть ровно настолько, насколько понимал их интерес.

Жизнь шла параллельно. Это было нормально.

Кардинал убрал последний предмет, провёл ладонью по столешнице, обнаружил, что она чистая, и этот факт его удо-

влетворил так же безмолвно и совершенно, как удовлетворяют факты, соответствующие ожиданиям.

Светильник горел.

* * *

Лестница была узкой и пологой, такой, что подъём по ней не требовал усилий, только внимания к тому, куда ставить ногу. Кардинал поднимался медленно, не потому что торопиться было некуда, а потому что это был его темп: размеренный, неизменный, один и тот же что в проходных коридорах Храма, что в залах аудиенций, что здесь, в подвальном переходе, где факелы стояли в гнёздах через каждые три шага и давали достаточно света, чтобы видеть стены.

Он считал ступени без намерения считать. Просто замечал, что считает, и не прекращал.

Наверху была дверь. Тяжёлая, окованная, с замком, который открывался только изнутри, если знать, куда надавить. Кардинал знал. Он нажал без паузы, замок тихо откликнулся, и дверь открылась в коридор.

Коридор был пуст, насколько ночной коридор северного крыла мог быть пуст, а это означало: один часовой у поворота, ровное дыхание светильников в медных чашах на кронштейнах, запах каменной пыли и воска, который здесь не выветривался никогда. Ничего лишнего. Всё на месте.

Часовой стоял прямо, глаза вперёд, рука свободна. Моло-

дой, с той безличной вышколенностью, которая отличала выходцев из внутренней охраны Храма: не деревянные, нет, — просто не задающие вопросов. Именно такими они и должны быть.

Кардинал кивнул, проходя мимо.

Часовой ответил, едва заметным движением головы, которое было именно тем, чем должно было быть. Не приветствие, не вопрос, не суждение. Просто подтверждение: вижу, всё в порядке, ночь идёт как должна.

Кардинал прошёл мимо и продолжил по коридору к своим покоям.

Его тень на стене двигалась.

Не так, как должна была, с отставанием, на долю секунды, на малость, которую нельзя было назвать, не имея для неё слова, но которую можно было бы заметить, если смотреть на стену, а не на человека, который идёт вдоль неё. Тень слегка запаздывала. Не намного. Ровно настолько, чтобы создать впечатление, что она следует за Кардиналом, а не принадлежит ему, будто нечто второе, нечто, помнящее движение и воспроизводящее его с задержкой в одно неделимое мгновение.

Сам он этого не видел. Смотреть на собственную тень у него не было причин.

Часовой смотрел в спину уходящему Кардиналу. Смотрел две секунды, или три. Потом отвёл взгляд к стене напротив, к тому пятну штукатурки чуть ниже второго кронштейна,

которое он, видимо, изучил за ночь достаточно хорошо, чтобы находить там опору. Что он видел, отводя взгляд, этого коридор не сообщал.

Может быть, ничего. Может быть, просто устал.

Ночная стража длинная, и глаза устают раньше, чем ноги.

Кардинал дошёл до поворота, свернул, миновал ещё один пролёт, короткий, без часового, только светильник и дверь в торце, и оказался в своих покоях. Здесь было теплее. Камин в дальнем углу был загашен ещё с вечера, но камень держал тепло долго, и комната дышала остаточным жаром, ровным и безличным.

Он не зажигал огня.

Сел в кресло у стола, то самое, рабочее, с прямой спинкой, и некоторое время просто сидел в темноте, в которой темнотой она была условно: через высокие узкие окна падал свет с площади, разбавленный, рассеянный, достаточный, чтобы видеть контуры.

Он думал о метке.

Не с тревогой. Метка была сделана правильно. Диск без рун, без маркировки, тёплый, именно то, что должны были найти те, кто умел искать. Те, кто привык работать с сигнатурами, с остаточным следом, с тем слоем реальности, который большинство людей не умело даже назвать. Такие люди нашли бы. Такие люди - нашли. Он был в этом уверен так же спокойно, как бывают уверены в вещах, которые не требуют проверки, потому что логика их слишком прямая, что-

бы ошибиться.

Ла'эрг и Тэа'эсс уже держали диск в руках.

Это было хорошо. Это означало, что они шли правильно, своим ходом, своей скоростью, по следу, который был достаточно ясен, чтобы двигаться, и достаточно неполон, чтобы двигаться именно туда, куда нужно. Никакой ловушки. Никакого давления. Просто направление, оставленное там, где его найдут. Кто-то умный мог бы спросить, кто оставил метку и зачем. Но умный вопрос - не обязательно правильный вопрос. Метка была оставлена правильно, и этого было достаточно. Зачем тратить усилие на то, что уже решено.

Кардинал откинулся на спинку кресла.

За окном площадь жила ночной жизнью большого города: редкий цокот подков по мостовой, далёкий голос, слова которого не долетали, только интонация, деловая, без тревоги. Обычная ночь в столице. Он слышал это каждую ночь в своих покоях и давно перестал слышать как что-то отдельное. Просто фон, просто ткань, на которой разворачивались дела.

Его дела разворачивались хорошо.

Доклад Императору, завтра утром. Встреча с людьми из западного крыла, послезавтра. Между этим, работа, которая выглядела как работа, текла как работа, оставляла следы как работа. Безупречно. Надёжно. С той мерой правдоподобия, которая не требует усилий для поддержания, потому что большая её часть была правдой.

Ла'эрг и Тэа'эсс шли.

Он не испытывал к ним ничего похожего на неприязнь. Это было бы неточно. Они были тем, чем были, теми, кто умел смотреть туда, куда большинство не смотрело, и находить то, что большинство не находило. Это делало их полезными для той части происходящего, которую Кардинал не мог контролировать иначе. Не инструментами. Не врагами. Просто - частью движения, которое шло в правильную сторону.

Комната была тихой.

Кардинал закрыл глаза, не с намерением спать, просто дал темноте быть темнотой несколько минут. За веками она была той же, что и снаружи, только плотнее. Ровной. Без примесей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.